

Измeна

Меган Хорхенсен

12+

Длинный список 2020-го года Премии «Электронная буква»

Меган Хорхенсен

Измена

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Хорхенсен М.

Измена / М. Хорхенсен — «ЛитРес: Самиздат»,
2020 — (Длинный список 2020-го года Премии «Электронная
буква»)

Предлагаемая читателю книга — серьёзное документальное исследование, облачённое в форму детектива. В произведении использованы материалы, подготовленные к публикации Вадимом Шмаковым, отцом Меган, который завещал дочери опубликовать книгу через пятнадцать лет после кончины. Вадим погиб в 2004 году, но ему удалось завершить дело всей своей жизни — разгадать загадку покушения на президента США Джона Кеннеди. Этой публикацией Меган отдаёт должное памяти отца и раскрывает самую невероятную тайну современности.

Содержание

Предисловие издателя (дочери Вадима Шмакова)	5
О себе	6
Об отце	7
Часть первая. Вадим, Виктор, Глеб, Мари	8
Глава первая. Реальность	8
1.1. Мари и Вадим	8
1.2. Вадим и Глеб	10
1.3. Прогулка	14
1.4. Вадим и Виктор	15
1.5. Пляж	19
1.6. Встреча	20
1.7. Пляж (продолжение)	22
Глава вторая. Прикосновение	27
2.1. Вдова	27
2.2. Память	31
2.3. Рассказ	33
2.4. Манипуляция с абсурдом	35
2.5. Семья	38
Глава третья. Легенда	40
3.1. Глеб (обыкновенная биография в обыкновенное время)	40
3.2. Записки Глеба. Недоумение первого взгляда	43
3.3. Досье от Вадима. Обвинения и бродяги	46
3.4. Глеб и Вадим	48
3.5. Записки Глеба. Сенсации на выбор	49
3.6. Записки Глеба. Рождение легенды	51
3.7. Записки Глеба. Цель легенды	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Предисловие издателя (дочери Вадима Шмакова)

Перед Вами, уважаемый читатель, невероятная книга. Надо признать, что разоблачений такого уровня мир ещё не знал. Почему автор назвал своё произведение романом, остаётся только догадываться. Возможно и даже вероятно, что автор оставляет лазейку: это не документальное исследование, проливающее свет на тайны мировой политики, а просто развлечение – наслаждайтесь шпионским детективом...

И однако... Однако стоит только проверить события, участниками которых стали герои романа, и читатель испытает глубочайшее изумление – ведь все факты; все цитаты; ссылки на документы, включая официальные отчёты, рапорты, мемуары, газетные статьи, имена и должности упомянутых лиц; описание деталей покушения на президента Кеннеди и прочее, и прочее, и прочее – абсолютно всё подлинно. Нет ни одного вымысла, ни одного искажения фактов. Достоверно изложены истории полёта Матиаса Руста, побега Виталия Юрченко, гибели Роберта Кеннеди и детей Онассиса, налёта террористов на круизный лайнер «Акилле Лауро» и десятки других известных и не очень известных эпизодов из прошлого и настоящего.

У любого вдумчивого читателя невольно возникнет вопрос: если все факты верны, если автор книги даёт логичное и исчерпывающее объяснение каждому случаю, то насколько соответствует правде утверждение автора, что президент Кеннеди не был убит 22 ноября 1963 года, а благополучно дожил до октября 1985 года, когда и был уничтожен совместными усилиями ЦРУ и КГБ?

Итак, уважаемый читатель, читайте, думайте, проверяйте факты и делайте выводы...

О себе

Почему я решила издать книгу, раскрывающую тайну дела президента Кеннеди? Конечно же, не ради славы. Просто если книга поможет хотя бы одному человеку увидеть истину, значит, она опубликована не напрасно.

Нет, эта книга не перевернёт мир в очередной раз – сколько раз его переворачивали? Но она мир изменит. Потому что всё в ней – правда, – всё доказывается как документами, так и аналитикой, не требующей сверхъестественных способностей.

И да, эта книга ставит точку в расследовании покушения на Кеннеди.

Об отце

Мой отец служил офицером-аналитиком в Главном разведывательном управлении Генерального штаба вооружённых сил СССР. Любить родину и выполнять её поручения – святая обязанность советского гражданина. Честно говоря, отец и сам не сомневался в праве родины распоряжаться его жизнью.

Когда получила отцовские записи, то лишь мельком их просмотрела. Особого значения не придавала. Через несколько лет нашла время для чтения. Прочитала за ночь. Вспомнила, что папа никогда не увлекался сочинением историй. Сопоставила факты. Поняла, что в основе романа – правда. Иначе быть не могло.

Судя по отзывам начальства отец был талантливым аналитиком. Знание языков, интерес к политике, равнодушие к роскоши и исполнительность делали его отличным специалистом. Ведь хороший аналитик – это человек, который не выходя из кабинета и поработав с бумагами, делает выводы, на получение которых может быть затрачено колоссальное количество сил и средств. Отец был профессионалом, умеющим находить выход из любых ситуаций и очень надёжным человеком.

Повторю ещё раз, при проверке всех фактов, мест, фамилий всё сходится, абсолютно. Не верите? Проверьте.

При подготовке текста к изданию я сделала небольшие стилистические правки. Дополнений, искажений смысла, сокращений не допускала. Оставила пафос, красоты, очевидные противоречия. Пожалуй, всё. Читайте и думайте. Вся правда о покушении на президента Джона Кеннеди и последующих за ним событиях. Публикуется впервые.

В заключение замечу, что издатель не несёт ответственности за последствия, которые публикация может вызвать в мировой политике.

Меган Хорхенсен

Часть первая. Вадим, Виктор, Глеб, Мари

Глава первая. Реальность

*Исчезает всё. Исчезает, не оставляя следа.
В этом и состоит подлинная сущность реальности.
Генрих Латвийский. Хроники*

1.1. Мари и Вадим

Португалия, южное побережье. 7 марта 2004 года.

Час ночи. Наш чартер прилетел с опозданием. Прохладно, темно, неуютно.

Небольшая очередь у таможни рассасывается за пять минут – португальцы к туристам относятся трепетно.

Парень с плакатиком в руках. Гид. Нам к нему. Полчаса у паренька уходит на организацию толпы весенних отпускников, ничего не соображающих после ожидания вылета в Москве и четырех часов полета. Средний класс, средний возраст, средние цены, средние заботы...

Стоим в ночной тишине, курим. Мерцание сигарет, режущий свет фонарей, звёзды.

Автобус, наконец, отправляется. Сначала медленно и натужно пытается выбраться из аэропорта, затем набирает скорость.

Высаживаемся в Фалезии, где заказан трехзвездочный «Альфамар» – большой комплекс с центральным корпусом, десятками домиков-бунгало и отдельным трехэтажным зданием на отшибе (для бедных).

– Устал?

– Немного. Ты тоже с ног валишься, да?

Пытаюсь проявить нежность. И знаю, что ничего не получится. Не умею я нежность проявлять. Но Мари не задевает моя сухость. Никогда. Что она чувствует, когда думает о том, что я безразличен к её усталости, мелким волнениям и ненужным поискам? Больно ли ей? Не знаю. Мари беспредельно терпелива.

Как всегда, в ответ на привычную заботу, чувствую себя неловко. И, как всегда, не нахожусь слов объяснить, что она, и только она важна для меня в этой жизни.

Регистрация в отеле. В графе «количество человек» вписываю себя и ставлю плюсики – «с супругой». Получаю ключи. Портъё объясняет, размахивая руками, как дойти до здания – того самого, на отшибе, для бедных.

Обе сумки несущий сам. Носильщиков здесь не полагается. Махонькая Мари семенит рядом. Молчим. Минуты через три упираемся в четырёхэтажный дом, входим в подъезд.

Никого. Тишина. Перед нами большое пустое пространство, до самой стеклянной крыши. Атриум. Двери комнат выходят на галереи, опоясывающие стены.

Поднимаемся на третий этаж... Плита, холодильник, две односпальные кровати. Стол, пара стульев. Тарелки, вилки, ложки, ножи. Выхожу на балкон и нахожу там ещё один столик и пластиковые кресла.

Пока Мари раскладывает в ванной женские принадлежности, закуриваю.

– Ты в туалет пойдешь? А то я хочу душ принять, если ты не против...

Мари никогда не указывает мне, что нужно делать, не станет настаивать. Только мягкие вопросы: «тебе не надо в ванную?», «не хочешь пообедать?». Иногда следует краткое пояснение: «а то я хочу принять душ» или «а то обед остынет, будет невкусно».

Никаких просьб. Никогда. Только ненавязчивые пояснения. Поэтому всегда приходится соглашаться с её желаниями. Но выполнять их приятно. Вот уже много лет.

Иногда Мари посмеивается:

– Главная добродетель женщины – повиновение супругу!

Иногда мне кажется, что Мари на самом деле так считает.

– Да, сейчас. Докурю и займу ванну минуты на три, не больше.

* * *

За двенадцать лет мы поругались раза три. Даже не поругались, а так, попрепирались. Точнее, препирался я, совершенно без причины, а Мари в ответ не сдерживала слёз. Тогда мне становилось стыдно, к горлу подкатывался комок и я просил прощения. Через полчаса размолвка забывалась. Навсегда. Без напоминаний, без ворошения прошлого, без упреков.

– Тихо как, да?

Мари молча кивает, всматривается в темноту. Может быть, пытается рассмотреть ночной пейзаж. Но луны нет – скрыли тучи... Мы на третьем этаже, однако, высота не ощущается из-за кромешной тьмы за балконом.

– Ты чем-то недовольна? Что-то не так?

– Нет-нет. Просто устала. Честно. Знаешь, я очень рада, что мы сюда выбрались...

Мне хочется прижать её к себе, обнять, поцеловать прямые длинные волосы. Но я ни разу так не делал, и поэтому моя неожиданная нежность будет выглядеть странно. Мари знает, что я человек жёсткий. Не люблю проявлять эмоции, не люблю ласковых слов. Для Мари моя сухость – почти единственный недостаток, – по крайней мере, она так утверждает. Но с этим недостатком Мари смирилась. Ещё я недостаточно упитан, ей нравится мужской типаж увальня-коалы, но тут ничего не поделаешь, пока я на службе, приходится за собой следить.

– А если ты расскажешь о наших планах на ближайшие недели, будет совсем хорошо!

И опять вопроса нет, высказано только желание: сочтёшь нужным рассказать, чем мы собираемся заняться, то и хорошо. Не сочтёшь – не надо.

– Дня три проведем здесь, я же говорил... Может быть, пять...

– Да, я помню, а потом?

– Если надоест, переберемся в Фаро, всё-таки настоящий город... Будем отдыхать, загорать, бродить по городу, поглощать зелёное вино и местные сыры... Благо здесь даже в марте уже тепло и солнечно... Через неделю поедem в Лиссабон.

– Неужели такой интересный город?

Пожимаю плечами:

– Увидишь. Не волнуйся, отпуск получится.

– Хорошо. Раз ты так уверен... Ну, я пошла в ванную. Полежу полчаса. Ложись спать, не жди. На утро кофе, сливки, сахар есть. А потом где-нибудь перекусим...

– Тут в двух шагах магазин, он рано открывается... Пока ты будешь спать, сбегая за йогуртом.

– А ты уверен, что он работает?

– Да, конечно.

– Я магазин не заметила.

– Он не по пути. Я на карте видел, на стойке отеля.

– Понятно. Ладно, пошла я. Честное слово, я очень рада. Неделя на пляже и потом две недели в Лиссабоне, что может быть лучше.

Она улыбается. Устало, но искренне. И уходит в ванную комнату, заперев дверь: у Мари есть безобидная привычка постоянно запирает все двери, которые запираются.

Про магазин я, конечно, зря сказал. Но хотелось проявить заботу. Даже в такой мелочи, как покупка обязательного утреннего йогурта. Даже после дюжины лет совместной жизни.

Но сказал всё равно зря. Мари удивилась, откуда я про магазинчик знаю. А я пока не могу объяснить ей, что я тут не впервые. И что гостиница выбрана не по каталогу. И что она, Мари, – моя единственная слабость, из-за которой я иногда совершаю ошибки. Ошибки редкие, не имеющие значения, – вот как эта, с магазином, – но всё же ошибки.

Завтра я попытаюсь объяснить Мари, что все наши планы на отдых – ложь. И отдыхать нам не придётся. Потому что не позднее, чем через три дня, я буду убит.

1.2. Вадим и Глеб

Москва. 12 декабря 1991 года.

– Почему я, товарищ полковник?

– Давай без глупых вопросов.

– Это не глупый вопрос. Мне надо знать, по каким критериям отобран именно я.

– Языки. Интерес к политике. Равнодушие к роскоши. Исполнительность. Пренебрежение к окружающим.

– В порядке убывания?

– Нет. Как в голову приходит. Может быть, что-то упускаю.

– Пренебрежение к окружающим? Это вы о чём. Я не замечал в себе подобного.

– А ты тут при чём? Главное, умные люди заметили...

Шутит. Деловая часть беседы закончена? Нет, вроде бы ещё и не начиналась.

– Не торопись, майор. Именно – не торопись. Через годик досье доделаешь – и ладно. Думаю, раньше папочка не понадобится. Хорошего понемножку. Сначала схема жучков в посольстве, потом сокращение разведсетей, а там и до этого доберутся.

– Схемы жучков за день передать можно, а сети параллельно сокращать. А начальство отметиться побыстрее захочет.

– Всё так, но на ближайший год им этот козырь не нужен. Осложнений не намечается. Наоборот. Да и следующие года три, не меньше, будут получать и разворовывать «материальную помощь», делить имущество, налаживать связи. А вот позже, когда сообразят, что пора снова грудь колесом выпячивать, а голый зад лозунгами не прикроешь, вот тогда эта папка и сработает.

– Товарищ полковник, я понимаю, что российской публике до всего этого дела нет. И понимаю, что американцам получить папку будет интересно. Ну а дальше что? Поаплодируют в сенатских кулуарах, тиснут пару статей в исторических журналах. Дивидендов этим не заработаешь.

Молчание. Долгое молчание. Глеб закуривает. Смотрит поверх головы. Потирает подбородок.

– Лобби... Ты не понимаешь... И я не понимаю. Сообразишь, о чём я говорю, когда приступишь к работе. Подготовка бумаг по этому делу для передачи американцам – главная и официальная часть. Но в них что-то есть. И вот этого я не понимаю. И никогда не пойму. Мне этого не надо. Не хочу. Это твоя забота. Теперь твоя.

– Будет противодействие передаче? Вы об этом?

– Ты не маленький. Во-первых, радители-патриоты начнут вой, мол, зачем архивы отдавать, как смеете Россию на колени ставить. Это, как с жучками в посольстве, – никому они не нужны, американцам всё известно до последнего винтика – но вопль об измене Бакатина уже нарастает. Орут либо из искренней тупости, либо желая сыграть на патриотизме. Во-вторых, кому-то обязательно покажется, что продешевили. В-третьих, кто-то обидится, что с ним не поделились.

(Примечание Вадима: Осенью 1991 года назначенный Ельциным на пост председателя КГБ Вадим Бакатин официально передал посольству США схему жучков, установленных в стенах нового здания посольства, как знак доброй воли. В США и до этого прекрасно знали, где эти жучки размещены).

– Вы мне как ребёнку поясняете.

– Не обижайся. Я привык в последние месяцы к тому, что приходится разжевывать всем и каждому, что такое демократия и как теперь работать.

– Так какое противодействие, кроме традиционных форм, мне следует ожидать?

Глеб курит. Опять молчание. Взгляд из окна на накрапывающий дождик. Небольшой, моросящий. Скоро пройдёт.

– Повторяю. Там что-то есть. То, чего я не понимаю. Что-то очень странное. Не хочу разбираться. Сам найдёшь ответ. Если захочешь. Я уверен, что никто из нынешнего начальства не замечает подводных камней. Для них ситуация заурядна: ради укрепления взаимовыгодных отношений Россия передаёт Соединенным Штатам материалы советских архивов по убийству президента США, имевшему место в шестьдесят третьем году.

Глеб гасит сигарету. И тут же прикуривает снова. Я ещё не знаю, что его дочь курит столько же, сколько он. Я ещё с ней не знаком.

– Но, Вадим, я уже три месяца копаюсь в архивах – партийных, наших, тассовских, гэбистских – благо, пока они там приходят в себя после путча, им не до запретов и проволочек; пусть спасибо скажут, что уцелели. В деле что-то есть... Я не о выводах следствия и не о том, сколько было убийц и откуда они стреляли. Сперва я сам был уверен, что достаточно порыться в архивах, отсортировать, обработать так, чтобы выглядело повесомее, запечатать поосанистей, приложить с десятков восклицательных знаков и отправить в Вашингтон в надежде на умиление. Но хватило трёх недель, чтобы понять основное – в этих бумагах есть странности.

Вадим, я не знаю, о чём речь. Но американцы что-то скрывают. Может быть, и впрямь к покушению причастен Кастро. Может быть, где-то сзади маячил Хрущёв. Может быть, мы убийцу загипнотизировали и на дело послали. Может быть, организовал убийство де Голль с подачи Мао Цзе Дуна. Повторяю, я не понимаю, что на самом деле произошло. Но американцы скрывают то, что им прекрасно известно. Ты прирождённый аналитик, Вадим. Я не назвал это качество, отвечая на твой вопрос «почему ты». Но оно – главное.

Я понимаю, о чём говорит Глеб Сергеевич. Хороший аналитик – это человек, который не выходя из кабинета, внимательно изучив доступные, малодоступные, недоступные источники, сделает выводы, на получение которых иным путём будет затрачено несравнимо большее, иногда колоссальное количество сил и средств.

Справка: принципы аналитики

Цель и задачи военной аналитики заключаются в анализе информации, её обработке, вычленению, систематизации; в организации действий, направленных на получение дополнительных сведений; в составлении рекомендаций на основе сделанных выводов.

Классический пример военной аналитики:

В 1943 году самолёт-разведчик союзных ВВС ведёт регулярную фотосъемку сельского района Германии. На двух фотографиях, сделанных с разницей в месяц, ясно видно, что между небольшой деревушкой и лесом появилась новая пешеходная тропинка.

Аналитик, сидя в своей Англии, прогоняет по такому же полю роту солдат. Десятки раз. Туда и обратно. Выясняется, что по тропе ежедневно ходят не меньше пяти сотен человек.

(Между прочим, солдатам никто, разумеется, не объясняет, с какой целью сотня здоровенных мужиков идёт в одну сторону, доходит до края поля, поворачивает и топает назад. И так два дня подряд. С точки зрения солдата, глупость начальства налицо).

Пять сотен человек, ходящих каждый день туда и обратно, это уже, возможно, спрятанный в лесу завод. Виновата заводская служба безопасности: либо забыли запретить ходить по полю, либо посчитали, что усталых людей не следует наказывать за попытки сократить дорогу...

(Кстати, если бы немецкий кадровик настоял на запрете и сурово наказывал бегающих напрямик, то рабочие считали бы кадровика идиотом – мол, ну, чего привязался. Жалко чурбану, что я иду на ночлег по полю, а не вокруг по щёбёнке).

Аналитик не забывает о возможности дезинформации, то есть специального создания видимости тропы, но это уже детали.

Убедившись, что в лесу действует новый объект, аналитик изучает сообщения с мест, запрашивает все документы, в которых упоминается любой пункт в радиусе двадцати километров от поля.

Оказывается, в Восточной Африке месяц назад на территории союзных войск упал немецкий истребитель. В обломках разведчик обнаружил обрывок газеты, засунутый в пилотское кресло. Газета издана в германском районном городке, что расположен рядом с изучаемой деревушкой...

(Немка-работница, зашивающая обшивку, поленилась сбегать на склад за прокладочной ватой и заткнула угол куском газеты, в которую был завернут завтрак, – невелика беда и невелико нарушение. А английские солдаты, наблюдавшие, как лейтенант-разведчик целый день обнюхивал обломки сбитого самолета, взрезая и вскрывая все щели и уголки, но добыл только грязный кусок бумаги, в очередной раз убедились, что пока они, пехотинцы, воюют и погибают, тыловые крысы-штабисты дурью маются от безделья).

Аналитик находит сообщение от наблюдателей в швейцарском приграничном санатории, из окон которого видна немецкая железная дорога. Три недели назад по ней проехали две цистерны с названием конечного пункта на боку – того самого городка. На цистернах был указан состав перевозимой жидкости – нечто сложное, с непроизносимым названием.

Аналитик отправляется в ближайший колледж и, предупредив старичка-учителя химии о соблюдении секретности, показывает название. Учитель поясняет, что вещество известно каждому студенту – это раствор, используемый в обработке алюминия.

(Кстати, после того, как аналитик благодарит и прощается, учитель остаётся в полной уверенности, что тыловики ищут себе работу, чтобы их на фронт не послали).

По аэрофотографиям аналитик проверяет состояние железных дорог, например, блеск рельсов – ведь по ним определяется интенсивность пользования железнодорожной веткой. Сверяет состояние станций в сравнении с прошлым годом – не расширены ли платформы, не установлены ли новые водокачки, не укреплены ли подмости...

Аналитику поступает копия письма от жены, найденного на теле убитого немецкого солдата: «Дорогой, за меня не беспокойся, работа у меня по специальности, хотя я опасалась, что в эвакуации придётся за коровами ухаживать...». Семейная фотография, найденная в кармане этого же солдата, сделана на фоне инженерного факультета. И муж, и жена в студенческой форме. Жена пишет хоть и не из той деревни, к которой ведет тропа из леса, но из соседней.

(Ежедневно союзная разведка захватывает в среднем до тысячи солдатских писем. Отсортировать и разложить их – не такая простая задача).

Изучаются схемы и графики, технологии, карты путей, объемы добычи ископаемых, места расположения известных военных заводов, мобилизационных пунктов, возможности обеспечения технической водой нужд производства.

(Немец-военнопленный, что сидит в лагере вот уже третий год, вернувшись в барак с неожиданного допроса, крутит пальцем у виска – вражеский особист спросил меня о температуре ручья в нашем лесу и о том, можно ли его вброд перейти. Они что, десант туда собираются бросать? Курам на смех. Что наши, что их особисты – делать им нечего, только хлеб проедают).

После недельной работы аналитик делает вывод: с высокой долей уверенности можно утверждать, что в лесу расположен небольшой авиационный завод, производящий до семи самолетов в сутки. Скорее всего, готовая продукция вывозится раз в пять дней, работа в четыре смены, в смене по двести человек... Рекомендуется бомбовый удар.

На этом аналитик идёт отдыхать. Принятие решения, организация успешного налёта, с учётом средств ПВО противника, сезонной скорости ветра, технологий наиболее эффективных ударов по стационарным объектам и многое другое – уже не его дело.

Налет совершен силами двух бомбардировочных авиаполков в составе 64 машин. Во время налёта сбито четыре самолета, потеряны 32 человека.

Немцы теряют завод, который полгода возводили и полгода будут восстанавливать. Из-за потери завода фронт получит на тысячу самолетов меньше. Это жизни десятков тысяч союзных солдат, моряков и партизан (исходя из известного расчета, что каждый немецкий самолет в среднем уносит жизни двадцати бойцов). Это результат недельной работы небольшой группы аналитиков и военных разведчиков, которые либо спокойно попивали кофе, наблюдая за сопредельной стороной из окна швейцарского санатория, либо ползали по беспомощно разбросанным в песках обломкам самолёта, либо допрашивали военнопленных, либо сидели у себя в кабинетах, а после работы играли в теннис, чтобы освежить голову.

Запомнится лишь гибель тридцати двух летчиков.

Так же работают аналитики и сегодня. Информацию они черпают из открытых источников. Иногда пользуются источниками, недоступными широкому кругу. Редко организуют какие-то действия ради уточнения ситуации. Ещё реже сами принимают участие в таких действиях.

Опытный аналитик замечает любую деталь, любую несуразность, любое противоречие в тексте. Опытный аналитик замечает истину, скрытую между строк...

Опытный аналитик, в конце концов, опирается на интуицию. Даже если после первого прочтения невозможно прийти к правильному выводу, опытный аналитик всегда чувствует присутствие недосказанного... Опытный аналитик обладает даром предчувствия.

1.3. Прогулка

Португалия, южное побережье. 7 марта 2004 года.

Пляж. Красноватый песок и раскаленное солнце. Мы бредём к еле заметным вдали острым башенкам Кинтейры. Купаться невозможно, вода ещё холодна. Из-за ветра солнце не обжигает кожу, и поэтому мне легко удаётся склонить Мари к прогулке в городок на горизонте.

Держимся за руки, как обычно. Если мы куда-то идём вместе, я всегда по-мальчишески стараюсь взять Мари за руку. Мне приятно ощущать в руке её маленькую ладошку. Мари очень маленького роста, и Мари очень грациозна. Всё, что она делает. Любое движение, любой жест – всё делается плавно, вкусно, обжигающе красиво.

Пляж пустынен. С одной стороны волны, с другой – поднимаются отвесные скалы. Подслушать нас невозможно. Невозможно снимать телеобъективом, считывая движение губ. Поэтому я могу открыто рассказать всё, что скрывал много лет.

Я не готовился к разговору, хотя так поступать нельзя. Но это Мари. Мы слишком хорошо друг друга знаем. К тому же мы слишком любим друг друга, чтобы прибегать к уловкам и делать подходы.

Я – аналитик. Я занимаюсь важным делом, которое может опрокинуть судьбы цивилизации (впрочем, эти судьбы столько раз опрокидывали, что, возможно, при очередном опрокидывании цивилизация, наконец-то, встанет на ноги). Я – профессионал, умеющий находить выход из любых ситуаций. Но это Мари.

Я не умею вести себя с Мари профессионально. Я не могу причинить ей боль. Потому что она делать больно не умеет.

* * *

Не знаю, с чего начать. Бредём по мокрому песку. Ослепительное солнце бьёт в глаза.

Мари, мне хочется прижать тебя к груди, обнять, гладить тёмные волосы, осторожно целовать их, чуть касаясь губами... Мне нельзя терять тебя, но у меня два дня жизни. Потом я умру. Буду убит. Но если ты мне поможешь, то, возможно, мне удастся лишь притвориться мертвым. А чтобы просить тебя о помощи, Мари, мне надо всё рассказать.

* * *

И поэтому мы, пройдя жарким пляжем, доберёмся до далекого, мерцающего городка, а затем прогуляемся по безлюдным улочкам и зайдём в небольшое угловое кафе, где никого нет, кроме высокой и худой блондинки-барменши... Сядем за столик, заказав стакан кока-колы для тебя и спрайта для меня, и будем долго сидеть, болтая ни о чём. Потом вдруг в кафе вбежит человек, выпьет прямо у стойки чашечку кофе, скинет на прилавок монеты и выскочит, не бросив в нашу сторону ни одного взгляда. И тогда я пойму, что потеряться не удалось. Сегодня воскресенье. Полдень. Жара. Курортный городок. И мужчина в костюме, с галстуком, в расстегнутом пиджаке – единственное послабление от официоза никому не нужного в этот день, в это время, в этом городке, но предписанного правилами... Человек, ни разу не поглядевший

в нашу сторону, дабы не встретиться случайно взглядом – то есть, прекрасно понимающий, что я смотрю на его затылок... Тут же исчезнувший в веренице вымерших улочек...

Сколько их, таких человечков, обшаривающих сейчас каждый ресторанчик, каждую лавку, каждый закоулок? И получающих в эту секунду сигнал отбоя, так как «объект обнаружен... оставайтесь на связи». Теперь они успокоились – я не исчез, оставив в номере ненужные вещи.

* * *

Гуляем по пустому городу. Тихонько доходим до набережной, но и тут никого. Почти никого. В воскресенье, в жару. Пустынный пляж. Каждый человек на виду... Где, в какой европейской стране можно увидеть подобное? Не зря Виктор вежливо попросил меня приехать именно сюда – здесь ничего не стоило убедиться, что я прибыл один, без сопровождения.

Обедаем в небольшом испанском ресторанчике – любимая нами паэлья, которую тут готовят не хуже, чем в Испании, и сангрия – холодное красное вино, в котором намешаны свежие фрукты. В зале пусто. Позже пара танцоров станет танцевать фламенко. Танцуют они замечательно, но начнут через пару часов, когда мы уже уйдём. Мне хочется дождаться выступления, но пока рано говорить, что я был здесь всего две недели назад, разговаривая с Виктором, глядя ему в глаза и понимая, что вижу его в последний раз...

1.4. Вадим и Виктор

Португалия, южное побережье. 27 февраля 2004 года.

Виктор постарел, и это бросается в глаза. Заказываем жаркое. Мы оба исповедуем закон о неприятии спиртного во время работы, поэтому к мясу просим минералку. После еды, благодушно откинувшись на спинку стула, закуриив сигарету и лениво поглядывая на танцующую пару, я спрашиваю, не отводя глаз от танцующих:

– Виктор, а в каком году он умер? И как?

– Кто?

В голосе Виктора непонимание. Если бы я хоть в чем-то сомневался, то решил бы, что искреннее. Хотя, возможно, до него в первый момент на самом деле не дошло, о ком я спрашиваю – слишком неожиданный у меня вопрос.

– Он. Лансер.

– ...

Виктор молчит. Он мог начать игру: Вытаращить глаза. Поперхнуться, закашляться. Удивленно переспросить. Задумчиво покачать головой – мол, надо же до такого додуматься. Мог даже поддакнуть, сказав, что такие версии встречались и раньше, хотя и не в отношении Лансера.

Но Виктор знает, что раз я спросил, значит, играть не надо. У нас традиция – друг другу не врать. И задавать вопросы только тогда, когда в ответ нужна правда.

– Ты давно понял?

Замечаю две вещи: во-первых, Виктор перешёл с английского на испанский. Несомненно, чтобы подчеркнуть обращение на «ты» и именно в единственном числе – он не сомневается, что кроме меня, никто ничего не знает. Во-вторых, Виктор вдруг становится как-то более спокойным, как будто гора упала с плеч. Почему? Почему моё знание вдруг вызывает такое облегчение? Почему буквально за секунду этот человек как будто скидывает ношу, которую носил всю жизнь?

– А ведь тебе, Вадим, дюжина лет понадобилась, чтобы добраться до правды.

– Меньше. Гораздо меньше. Но не хотел взрывать бомбу, которую не я закладывал.

– Может быть, просто выжидал удобный момент?

– Может быть. Только я не Герострат, чтобы переворачивать мир ради славы.

– Брось... Сколько раз уже мир переворачивали. Рухнет правительство, посудачат газеты, упадут акции... Как там твой Глеб говорил? Лишний раз миру перевернуться только полезно?

– Виктор, перестань. Мы оба прекрасно понимаем, что станет с мировым порядком, если правда вылезет наружу.

– Ты уже заголовками передовиц вещаешь. Как в вашей песне: «Эту правду не задушишь, не убьешь»?

– Это не наша песня, её в Союз Ив Монтан привёз.

– Какая разница. Пели-то вы.

– Придумали-то французы.

– Ну, даже если мировой порядок рухнет, не французы займут верхнюю ступеньку...

– Не французы.

И не мы. Арабы? Китайцы? Бразильцы? Зачем гадать. Я молчал, потому что не хотел потрясений.

– Вадим, Вадим...

А теперь ты внезапно осознал, что молчание – это преступление.

– Виктор, Виктор, не говори красиво... Я же задал вопрос: «Давно он умер? И как?»

Опять молчание. С дымящейся сигаретой. Точно такое же, как молчание многолетней давности. Только тогда, в беседе на эту же тему, делал длинные паузы и курил полковник Голиков, а сегодня – Виктор Фуэнтес, американец, сотрудник ЦРУ, мой напарник.

В 1991 Глеб чувствовал странности, но воспринимал ситуацию, как обычное рабочее задание: Надо подготовить для передачи американцам досье с материалами по убийству их президента. В качестве жеста доброй воли. Для налаживания отношений. Для зарабатывания очков в большой политике. Собрать досье по крупницам из кучи архивов – военных, партийных, гэбистских, газетных. Из разных регионов, уровней, отраслей. Порыться в хрупких страницах. Отбросить хлам, придать материалу солидности, весомости и значимости, если таковых изначально не окажется. Создать цельную картину, чтобы старый-новый враг-союзник увидел, какими мы стали хорошими и с какой готовностью готовы его порадовать.

Почувствовав странности, Глеб Сергеевич поставил на дело меня. В классических пьесах иногда присутствует молчаливый лакей, споро и незаметно подающий завтрак главному персонажу. Меня Глеб выбрал на роль лакея. Скажем, на роль клерка, если «лакей» звучит обидно.

Работу над делом я начал в декабре девяносто первого. А в феврале две тысячи четвёртого я обедаю в уютном португальском ресторанчике с Виктором Фуэнтесом, моим партнёром из ЦРУ. За эти годы из клерка-лакея я вырос в одну из самых важных фигур в колоде карт, определяющих развитие нашего мира. Но об этом пока никто не знает, кроме меня. В этот момент начинает догадываться и Виктор.

– Лансер умер в 1985 году. В октябре.

– «Акилле Лауро»?

– Ты и об этом догадался?

– У меня были три версии, эта последняя.

– Хм... любопытно, а первые две?

– Сначала я решил, что в семьдесят втором, когда Жаклин покинула остров.

– Логично.

– Однако, когда дошло, что значимые события – скажем, начало развала крупнейшей державы, – должны были обязательно совпадать со смертью Лансера, то стал копаться в восьмидесятом. Рим, Вена... «Акилле Лауро»...

– Но ведь могли убрать тихо и незаметно?

– Исключено. Кто отдал бы приказ? Кто исполнил бы? Если в день покушения вы на убийство не решились, то в семидесятых или восьмидесятых – исключено...

– Ты забываешь, что в шестьдесят третьем не было времени на размышления.

– Не забываю. Но тогда, в шестьдесят третьем ещё можно было скомандовать, в крайнем случае, в порыве смелости. А позже... Чтобы президент страны лично отдал приказ об убийстве предыдущего президента, объявленного мёртвым? Никогда! Это даже не импичмент, это падение империи. Понимаю, что Лансер мог тихо скончаться, как самый незаметный обыватель. От рака, в автокатастрофе, упав с лестницы. Но и такая смерть ему была запрещена – всегда найдутся желающие обвинить в убийстве. Остаётся ликвидация чужими руками.

– Слабость твоей версии в том, что в любом случае надо отдавать приказ на убийство, хотя бы и руками террористов. И кривотолков такая схема вызовет побольше, чем случайная гибель в бассейне, к примеру. К тому же какие там кривотолки. Умер бы, и делу конец.

– Нет. Не так. Если Лансера убьют террористы, вас никто обвинить в убийстве не сможет. Не будет улики. Можно будет допустить, что развязка подстроена, но свалить на его охрану не удастся. Мало ли совершается преступлений...

– По-твоему, легко организовать и направить группу фанатиков на захват океанского судна, да так, чтобы убили только того, кого нам надо?

– Хм... мне, почему-то, кажется, что у вас что-то не сложилось. Лансер должен был погибнуть первым, как и произошло, но затем наступило бы время всеобщей резни на корабле, с сотнями трупов, среди которых Лансер затерялся бы.

– Ошибаешься. Логика «малой крови» присутствовала: для арабов логично начать демонстрацию силы с убийства инвалида. Никто ничего не заподозрит. Да, мы просили Абу Нидаля убить инвалида. Но после смерти Лансера развитие событий уже не важно.

– Насколько я знаю, Абу Нидаля жив до сих пор. Вы не боитесь?

– А откуда ему знать, кем был тот инвалид? Смысла в ликвидации Абу Нидаля не было. По принципу – «не совершай необратимых поступков». Пока Абу Нидаля не опасен, мы его держим в резерве. А вот ликвидация его становится необходимой лишь тогда...

– ...лишь тогда, когда станет очевидным, что кроме вас, в ситуации разобрались и другие. Тогда Абу Нидаля – лишнее звено. Его же обязательно попытаются завербовать те, кто раскрыл тайну. Чтобы подтвердить версию, чтобы получить улики. Даже если он хранит какие-то документы, чтобы вас шантажировать, для вас его ликвидация – наименьшее зло...

– Вот видишь. Тем более что никакого шантажа и быть не может. Документов у Абу Нидаля нет. Он их спрятал в «боинге», на котором этих ребят должны были доставить в Тунис. На Сицилии обыскать самолёт не дали итальянцы. Этот чёртов социалист Бетино Кракси не позволил. Так бы и лежали бумаги, упакованные в стенку салона, если бы не Мальта.

– Это-то понятно. Сразу было ясно, что на Мальте дело было в самом самолёте, а не в людях. А чем интересен самолёт, если в нём ничего не спрятано? Ничем! Значит, кто-то уничтожил тайник. То же касается и корабля. Удачно утонул «Акилле Лауро» перед самым ремонтом. Замечательное решение. Зачем искать иголку в стогу сена, если стог можно сжечь? Зачем искать спрятанные на огромном корабле бумаги, если корабль можно утопить. Кстати, а где Абу Нидаля?

– В Багдаде, сидит в нашей тюрьме.

– Насколько я понимаю, я только что подписал ему смертный приговор?

– Тебе его жалко?

– Нисколько. Но, честное слово, я не собирался его вербовать.

– Верю. Но на всякий случай. Сделаю подарок начальству напоследок.

Виктор улыбается. Почти незаметно. Как обычно. Снова затягивается. Снова отпивает глоток воды. И мы снова замолкаем, хотя разговор продолжается. Без слов. Мы понимаем друг друга.

- Виктор, поверь, я никому не говорил. Только я знаю про Лансера.
- Верю. Но твои действия могли контролироваться. Кто-то мог идти по пятам и прийти к тем же выводам. И преследователю легче – не надо проверять отбрасываемые тобой материалы...
- Я не вчера родился, друг мой. Кроме меня, никто ни о чём не догадывается.
- Они тоже не вчера родились. Даже я не знаю, кто ещё стоит за делом Лансера, что скрывается за той стеной, за которую хода нет даже мне...
- Теперь улыбаемся оба. Я с недоверием, Виктор печально.
- Замечательно, что ты сам всё понял. Мне казалось, ты только на пороге решения, и я собирался тебе раскрывать глаза. Хорошо, что не понадобилось – сплошная экономия времени. В принципе, для этого я и просил о встрече. К моему глубокому сожалению.

Справка: история захвата «Акилле Лауро»

«Акилле Лауро» (Achille Lauro) – итальянский круизный лайнер. 7 октября 1985 года захвачен четырьмя членами Фронта освобождения Палестины, которым руководил некий Абу Нидадь (он же Абул Аббас, он же Муххамед Аббас). На борту находилось более 450 пассажиров.

После захвата было объявлено о расправе террористов над одним туристом – парализованным стариком, передвигавшимся в инвалидной коляске. Его застрелили, а тело выбросили в море. Сообщение неоднократно опровергалось и вновь подтверждалось. Согласно окончательной версии, пассажир-инвалид всё же убит.

За двадцать лет деятельности Фронт освобождения Палестины убил более тысячи человек, в том числе во время кровавых нападений на аэропорты в Риме и Вене в том же году. На таком фоне убийство одного туриста-инвалида прошло незамеченным.

Два месяца спустя вдова убитого скончалась от тяжелой болезни. Обнаружить других родственников погибшего старика журналисты не смогли.

Через день после захвата террористы освобождают заложников и вылетают в Тунис на египетском Boeing 737. Самолет перехватывают истребители США и сажают на Сицилии. Итальянское правительство, возглавляемое социалистом Бетино Кракси, не позволяет американцам арестовать преступников и даёт тем разрешение вылететь в Югославию.

Самолёт даже не обыскивается, несмотря на логичное предположение о том, что в момент перехвата террористы могли спрятать внутри «боинга» важные документы. Считается, что итальянцы принимали решения в страхе перед ответными ударами террористов.

Ещё через месяц этот же самолёт вновь захвачен террористами, теперь уже на Мальте. При попытке освобождения его египетскими командос погибают шестьдесят пассажиров. Самолёт сгорает. Все террористы убиты. Почему и зачем был начат безнадежный штурм, никто не знает.

Через девять лет, 30 ноября 1994 года, теплоход «Акилле Лауро», совершавший круиз в Индийском океане, тонет в результате пожара на борту. Пассажиры спасены. После круиза «Акилле Лауро» должен был отправиться в первый капитальный ремонт с момента захвата девять лет назад. Впервые должны были быть вскрыты переборки и стенки всех помещений.

В 2003 году при взятии Багдада американцами в первую очередь был арестован Абу Нидаль. 9 марта 2004 года он внезапно скончался в тюрьме при странных обстоятельствах.

1.5. Пляж

Португалия, южное побережье. 7 марта 2004 года.

...И мы отправляемся в обратный путь. Всё так же по пустынному пляжу, только теперь обрыв возвышается по правую руку, а океан лежит слева. Обходим бухточку, забитую яхтами, а затем, перейдя по дощатому мостику впадающий в океан ручеёк, добираемся до деревянной скамеечки и садимся перекурить перед долгим походом – белые башенки нашей гостиницы еле-еле видны на горизонте, и нам предстоит брести по горячему песку часа два, не меньше.

Мы устали. Хочется подремать. Но полчаса на лавочке взбудрили – под сигарету, попивая колу, купленную в киоске на окраине. Прохладный ветерок, прибегающий с моря, сдувает усталость.

Пора начинать разговор. В гостинице не получится. Там меня терпеливо подслушивают.

* * *

Я знаю, почему они не начинают. Пытаются сообразить, какая схема задействована на случай моей гибели, исчезновения или потери разума. Не зная степени моей защищённости, они не осмеливаются напасть. Любое действие может вызвать автоматическую реакцию – от вскрытия пакета в сейфе неизвестного им банка до подробных инструкций далёким организациям-конкурентам в Японии или Бразилии. Поэтому они ждут. Пытаются понять, просчитать, определить мои действия. Ждут новых данных, деталей, контактов.

Они нападут, как только убедятся, что захватили оригиналы, а копий у меня не осталось. До этого меня не убьют.

Разумеется, они допускают, что я расскажу или уже рассказал Мари основу. Разумеется, они понимают, что раз Мари со мной, то я включил её в схему. И наш совместный приезд их пока останавливает. Только благодаря Мари они пока не понимают, что происходит.

Им очень не хотелось выпускать меня из Москвы, но они понимают, что бумаги где-то здесь – в Португалии. И понимают, что я к бумагам их приведу.

Считают ли они, что мы с Мари работаем вместе с самого начала? Нет, конечно. Биография её известна им не хуже, чем мне. Мягкая женщина, замкнутая на внутреннем мире. Женщина, под обаяние которой попадают все, кто её знает. Женщина, которая не умеет настаивать на своём, но которая не считает себя несчастной. Женщина, которая ценит прелести жизни – утренний кофе с бутербродом (где масло обязательно должно лежать тонким слоем на таком же тонком и аккуратном кусочке хлеба), хорошую сигарету, тихую плавную и щемящую музыку... Но она равнодушно созерцает окружающий мир, если только этот мир не ударяет её напрямую.

Мари не боец, не воин, не амазонка. Она никогда не выходила за пределы собственного небольшого мира, в котором умещаются все её надежды и радости.

Единственные интриги и игры, на которые способна Мари, это милые женские уловки ради достижения весёлых и симпатичных целей. Мари – настоящая женщина, обладающая ненавязчивым талантом, – как каждая настоящая женщина, она умеет заставить мужчину выполнять свои прихоти и скоротечные желания.

Скорбный взгляд на витрину с модным женским бельём. Лёгкий вздох сожаления по поводу недоступности дорогих духов. Равнодушное замечание о приобретённых подругой сапожках. И ты внезапно осознаёшь крайнюю необходимость совершенно ненужных безделушек, задача приобретения которых вдруг становится твоей обязанностью, включая мучения

длиннющих очередей и тщательное изыскание дополнительных средств. Ты бежишь за сапогами, выбираешь духи, рыскаешь в поисках доступного (и недоступного) по зарплате белья...

К тому же Мари, как настоящая женщина, ставит задачу так, что ты веришь, будто бегаешь по магазинам по собственной инициативе.

Если бы качества прирождённого управляющего ограничивались только умением постановки задач подчинённым, то Мари стала бы идеалом руководителя. Но она мягка, незлобива, нежна и обаятельна. Притягательность Мари для окружающих именно в спокойствии души. Поэтому люди к ней тянутся. Поэтому второстепенный приятель может подарить ей мобильный телефон или кофеварку, ничего не прося взамен и ничего не требуя. Просто потому, что Мари вызывает непреодолимое желание делать ей добро.

И поэтому я счастлив в подчинении у Мари.

Конечно, я вижу её недостатки. Равно, как Мари видит мои...

К примеру, Мари не умеет и не любит готовить. У неё, правда, есть пара любимых рецептов – пирожки с картошкой и беляши, – но вкушать приготовленный ею обед мне приходится крайне редко. К тому же Мари много курит. Она погружена в свою йогу, отвлекающую внимание от детей, мамы, меня. Но все эти мелочи только оттеняют достоинства Мари, придавая им присущие человеку, а не кукле, шероховатости...

* * *

Понять внутренний мир моей жены невероятно сложно, но невозможность её включения в шпионскую схему очевидна для любого наблюдателя-профессионала.

Я не хочу подвергать риску Мари. Единственную женщину, которую я любил и люблю. Степень риска для неё ни в коем случае не увеличивается ни на йоту. От того, расскажу я или нет разгаданную мною историю, её жизнь не станет безопасней. Для Мари уровень опасности определяется уровнем наших отношений.

Если бы тогда, в девяносто втором, мы не встретились, как бы она жила?

Станный вопрос, ответ на который я не могу найти. Если бы тогда, двенадцать с лишним лет назад, я знал то, что знаю сегодня. Если бы тогда я понимал, насколько эти знания опасны, не оттолкнул бы я её тогда? Начинать бы ухаживать по стандартной схеме – приглашая в рестораны и завязывая шнурочки на маленьких зимних сапожках? Когда остановился бы?

1.6. Встреча

Москва. Вторая половина восьмидесятых – начало девяностых годов.

Впервые я увидел Мари за праздничным столом. Мы сели напротив друг друга совершенно случайно – в этом я не сомневаюсь, так как я сам выбрал одно из десятка свободных мест, – и только потом увидел сидящую напротив миниатюрную красавицу. Улыбка с примесью печали и грустная мягкость в каждом движении. Грациозность? Естественность? Чистота? Никто, никогда не сумел сформулировать, какие детали нас в человеке поражают, после чего он вдруг навсегда становится для нас самым близким, даже если сам человек и не подозревает о произведённом впечатлении. Даже если ты сам пока ещё не подозреваешь, что встретил того, любить которого обречён до конца жизни.

* * *

Началось с обычного флирта – без примеси надежд на будущее, – глядя на неё, я понимал, что шансов нет: такая женщина обязательно любит и такую женщину обязательно любят. Такой женщине нет необходимости принимать заигрывания и играть самой. Рядом с ней обяза-

тельно есть спокойный, уверенно и достойно влюбленный муж, двое очаровательных детишек – мальчик и девочка, причём мальчик обязательно на пару лет старше. У неё хорошая работа и понимающий начальник (у таких женщин не может быть плохих начальников – любой босс незамедлительно попадает под её чары). К ней любят забегать на огонёк бывшие одноклассники, несмотря на то, что школа закончена двадцать лет назад. И даже подруги смотрят без зависти, безропотно признавая её превосходство. Обаяние такой женщины так же естественно, как её дыхание... Я смотрел на неё и знал, что проваливаюсь в пустоту.

Когда мы вышли на мороз перекурить и я спросил кого-то, что это за дама в элегантном черном свитере с белой брошкой сидит напротив меня, а парень вдруг удивился, как это я до сих пор не знаю, и обрисовал даму несколькими выпуклыми штрихами, то даже тогда не появилась надежды на нечто большее, чем застольное знакомство, – статус дочери начальника и жены коллеги никакой надежды не вселял.

* * *

Оказалось, что заочно я Мари знал – с того самого момента, когда я позвонил домой Стасу, нашему новому сотруднику, и женский голос ответил, что Стаса дома нет, когда будет, сказать не берусь, попробуйте перезвонить попозже.

С тех пор мы со Стасом проработали вместе несколько лет – иногда сидели в кабинете одновременно, что-то писали, читали, подчеркивали, вырезали. Выходили вместе и порознь покурить. Бегали в замечательную подвальную столовую.

По всей стране, в пунктах общественного питания, травились ежедневно сотни человек, но только не в нашем заведении. Попасть к нам в качестве обслуживающего персонала считалось одним из высших благ, доступных смертному, посему те, кто устаивались, продукты не воровали. Немедленно избавлялись даже от тех, кого ловили на нарушении незначительных правил. Поэтому даже столовые ножи у нас не пропадали.

* * *

Женой Стаса была Мари – дочь Глеба Сергеевича Голикова (в просторечии – Глеба), нашего любимого начальника, полковника Советской Армии, начальника Специального аналитического бюро Второго главного управления Генерального штаба вооруженных сил СССР.

В историю женитьбы Стас не вдавался, так как у нас не принято было делиться подробностями личной жизни. Мари в здании никогда не появлялась (да её бы и не пустили, несмотря на двойное родство и с начальником, и с одним из старших офицеров). Иногда звонила мужу. Иногда трубку брал я (телефон был общим) и, если мужа не было на месте, просил перезвонить.

Звонили не только Стасу и не только Мари, но жена Стаса выделялась из сонма всех остальных жён, матерей, подруг и детей: она никогда не спрашивала, где находится муж (а находится он мог где угодно – в столовой, в библиотеке, в кабинете у начальства, в курилке, в кинозале, в дискуссионной, где на полках, расставленных вдоль стен, пылились сотни томов самых разных энциклопедий, а на больших столах лежали десятки физических, политических, экономических, этнических, исторических и других карт мира). Мари никогда не задавала вопросов о том, когда супруг вернётся на рабочее место, и не просила перезвонить, как только вернётся.

Тогда я считал, что на поведении Мари сказывались отцовские гены и школа мужа, и именно поэтому она не проявляла ненужного любопытства: любой аналитик понимает, что даже по простейшим ответам на безобидные вопросы можно, в конце концов, накопив материал и тщательно его проанализировав, воспроизвести правдивую картину работы сотрудни-

ков бюро, определить их привычки и пристрастия, а это уже достаточная основа для их разработки.

(В идеале нас всех стоило посадить за высочайшие железные стены и не выпускать в город даже по большим праздникам, однако, идеал недостижим. Да и люди, ограниченные в правах до уровня заключенного, не способны думать продуктивно).

В любом случае Мари любопытства не проявляла. Благодарила, если мужа на месте не оказывалось, прощалась и вешала трубку. Уже гораздо позже я пытался вспомнить, о чём Мари и Стас болтали по телефону, если тот оказывался на месте. Ничего на память не пришло. Видимо, традиционные темы: «не забудь купить хлеб», «ужин будет на столе, я поехала к маме», «звонила Люда, у них в магазине шкафы болгарские завезли, спрашивает, не нужно ли нам».

* * *

Стаса убили в восемьдесят седьмом. Кто убил, за что, почему, этого коллеги так и не узнали – нас расследование не касалось.

1.7. Пляж (продолжение)

Португалия, южное побережье. 7 марта 2004 года.

...Мы бредём по пустому пляжу. В воскресный день, на южном берегу Португалии, в курортном местечке, где вода всегда холодна, но где прекрасно проводят время любители спокойного неторопливого отдыха. Например, семейные пары после долгих лет жизни.

Пора начинать разговор. Через несколько минут отдых закончится. Точнее, закончится отдых Мари. Для меня с самого начала это не отпуск, а отчаянная попытка найти решение в безнадежной ситуации.

* * *

Я люблю Мари, и я знаю, что Мари любит меня. Двенадцать лет – срок достаточный для того, чтобы понять и оценить наши чувства. Я обречён на эту любовь до конца дней, сколько бы их ни оставалось. Что же касается Мари, то если меня не станет, ей придётся второй раз пройти через пытку, уже однажды испытанную.

Мари вспоминала, как однажды, через несколько дней после гибели Стаса, он пришёл к ней. Стоял прямо перед глазами – молча, тихо, печально. Смотрел, прощаясь, протягивая руку, пытаясь что-то сказать. Был реален и ошутим. Даже тепло исходило от тела. Потом стал удаляться, уменьшаться, уходя в рамочку, похожую на экран телевизора. И ушёл навсегда.

В тот момент, когда Стас появился, Мари лежала на диване и плакала. Плакала в сотый раз за те жуткие недели после выстрелов в прихожей. Заснула? Забылась? Привиделось? Мы слишком материалисты, чтобы верить в приход призраков. Мари понадобилось ещё два года для того, чтобы боль утихла и спряталась.

Ещё через пару лет появился я (несколько неровных связей с симпатичными партнерами не считаются). С первым мужем Мари прожила пятнадцать лет, со мной пока меньше.

* * *

Пора начинать разговор. Я теряюсь. Я всегда теряюсь, когда знаю, что веду себя по отношению к Мари не очень честно (хотя никогда ей не лгу). Но у меня нет выхода.

– Ты помнишь нашу первую поездку?

– Черногория? Где вдоль пляжа ездил чуть ли не игрушечный паровозик, на котором можно было доехать до рынка?

Улыбаюсь. Понятно, почему Мари вспомнилась Черногория. Горячий пляж, усталость, поход к далёкому городку. Жаль, что здесь, в Португалии, нет такого паровозика. Правда, в Черногории был не паровозик, а автомобильчик, украшенный игрушечной паровозной трубой, с десятком прицепов-вагончиков. Всё равно удобней, чем топтать пешком несколько километров по песку.

– Нет, путаешь. В первый раз мы вместе ездили в Аргентину!

– Разве?.. Подожди... Да, действительно. Но ведь мы не вместе летели?

– Ты невнимательна. Я спросил, помнишь ли ты нашу первую поездку. А как именно мы до Аргентины доехали или долетели, я не спрашивал.

Мари смеётся. Она привыкла к подобным шутливым уколам, незаметным собеседнику, от которых получаю удовольствие только я – эксперт и профессионал по вылавливанию подобных противоречивых мелочей, автоматически их отмечающий даже в разговоре с женой. Остальным – нормальным – людям эти тонкости не нужны.

– Помню. Я прилетела из Москвы, а ты из Нью-Йорка. Ты встречал меня в аэропорту Буэнос-Айреса. Летела я больше суток, с тремя посадками, меня укачало, какой-то дядька весь полёт напрашивался на знакомство. Была полумертва от усталости. Пройдя таможду, шла к выходу, не зная, сохранил ли ты чувства, о которых говорил перед расставанием. Мы переписывались, переговаривались по телефону, но в первый раз встречались после большой разлуки длиною в нескончаемые три месяца.

– Да, в Нью-Йорке я просидел в два раза дольше, чем предполагалось.

– Помню. Когда ты сказал по телефону, что задерживаешься, мне показалось, будто ты не хочешь встречаться. Сейчас не помню, плакала ли, положив трубку, или сдержалась. Но было очень больно. А когда ты сказал, что командировка продлевается из-за поездки в Аргентину, я поняла, что больше мы не увидимся.

– Станный ты человек, Мари. Ведь я же сказал тогда, что ты должна прилететь, что я буду ждать тебя в аэропорту, что коллега купит и привезёт билет.

– Да, конечно. Но тогда я не знала тебя так, как сейчас. Мне казалось, будто всё это отговорки и пустые обещания. Пока не появился какой-то парень, не вручил торжественно билет и не забрал паспорт, чтобы проставить в нём визу, – немного помолчав, она продолжила: – В аэропорту Буэнос-Айреса я очень боялась встречи. Боялась ощутить равнодушие, рыцарский долг сохранять дружеские отношения, прощальный подарок – перед расставанием джентльмен свозил бывшую любовницу в экзотическую страну. И только увидев тебя, увидев, как ты на меня смотришь, вдруг стало легко. Очень легко. Примерно так же, как героям картин Шагала, летающим в оранжевых небесах.

Я сжимаю её ладонь. Наклоняюсь и осторожно целую в щёку. Я не знаю, что сказать. Я не умею выражать чувства словами. Поэтому Мари считает меня чёрствым и холодным. Но она любит меня, несмотря на мою холодность.

– В Буэнос-Айресе мне приходилось оставлять тебя каждый день, с утра до вечера. Я никогда не говорил тебе, зачем туда ездил...

– У тебя были какие-то встречи в посольстве. И с адвокатами. Но я не скучала. По-моему, мы не так уж плохо провели время.

Мари снова смеётся. Тогда мы действительно неплохо провели время. Утром, когда я уходил, Мари ещё спала – из-за разницы во времени с Москвой для неё местное утро было поздним вечером. Мне, прилетевшему из Нью-Йорка, было легко вставать, быстренько завтракать и бежать по делам. Мари же мучительно медленно просыпалась после полудня, прихора-

шивалась, пила кофе с местными булочками – свежайшими, ароматными и невероятно вкусными, – а затем шла гулять по огромному городу-монстру.

Гостиница стояла в самом центре, поэтому Мари удавалось обойти модные магазины и сувенирные лавки, не заходя слишком далеко. К пяти вечера возвращался я, и тогда мы вместе отправлялись на настоящую прогулку по таинственным портовым кварталам и старинным улочкам. Два дня из семи мы были вместе с утра до вечера. В первый из них покатались на прогулочном катере по дельте реки, во второй отправились в пригородный посёлок за покупками – там одежду продавали оптом, а значит, дешевле.

Затем Мари улетела в Москву. Я же, проведя в Аргентине ещё три дня и слетав на север, вернулся в Нью-Йорк, где проработал ещё пару недель, после чего отправился домой, где сразу же, прямо с аэродрома, поехал к Мари, у которой и остановился. Решение жить вместе было принято обоими, без лишних разговоров и неловких просьб.

Если бы мы расходились, большей всего было бы именно изгнание меня из её квартиры – не потому, что мне эта квартира необходима, а потому, что невероятно больно, когда ты вдруг понимаешь, что это не твой дом и тебе, оказывается, только позволили примоститься на постели хозяйки по ее величайшей милости. Но Мари не выгнала бы меня, даже если бы разлюбила. Она не умеет причинять боль. Да, Мари мягко дала бы понять, что мне пора уходить, но не поступила бы подло. Мари не умеет совершать низкие поступки. Мари не способна на подлость.

* * *

– Мари, я расскажу тебе, зачем ездил в Аргентину. Хорошо?

– Как хочешь. Столько лет прошло...

Она пожимает плечами. Она никогда не задаёт вопросов и никогда не скажет, что ей неинтересны мои рассказы о поездках, случайных встречах в самолётах и поездах, о прочитанных книгах и услышанных разговорах. После всех лет, проведенных вместе, даже я, человек, получающий зарплату за разгадывание тайн человеческого поведения (но не только за это), так и не могу понять, слушает ли Мари меня с интересом или же только терпит ненужную ей болтовню, не желая обидеть.

Но пока Мари не понимает, что сейчас я заговорю о том, что на самом деле важно. Впереди два часа неспешного похода. Два часа, за которые надо рассказать главное, чтобы Мари осознала значение событий. Чтобы оставалась надежда на красивый финал сказки.

Очень хочется надеяться, что история нашей жизни завершится красивой фразой: «...и они жили долго и счастливо и умерли в один день». Надеяться, что этот день наступит очень и очень нескоро, что наша история не заканчивается сегодня.

* * *

– Почему мы летали в Аргентину... Рассказывать придётся подробно. Если что-то не поймёшь, спрашивай, но детали нужны, поверь. Поэтому я о них и рассказываю. Не обижайся, если лекция покажется долгой и нудной.

– Вадим, мне всегда интересно тебя слушать, особенно раз речь пойдёт о вашей работе. Ни папа, ни Стас, ни ты никогда не говорили, чем вы там занимаетесь.

– Нет, Мари, интересно не будет. Будет печально. Многое, наверно, покажется длинным и ненужным, однако иначе не получится. Если ты не поймёшь всего, то я не смогу просить тебя о помощи.

– О чём ты? Вадим, ты разве сомневаешься в моей готовности тебе помочь?

– Не сомневаюсь. Но хочу, чтобы ты действовала не вслепую.

Диалог звучит вычурно и пафосно, напоминая сценки из мексиканских сериалов, и я пытаюсь придать ему иронии. Не знаю, получается ли. А впереди долгий монолог, рассказ как о событиях сорокалетней давности, так и о делах последнего месяца.

* * *

Мне до сих пор не удалось разгадать, слушает ли Мари мои повествования внимательно или только делает вид? Но сегодня ей придётся слушать. Потому что мне не удастся научить Мари, как действовать, если она не поймёт цели.

Студента можно сколько угодно заставлять заучивать формулы и даты. Однако, до тех пор, пока он не осознает, для чего эти даты и формулы нужны, ждать отдачи не имеет смысла. Любая информация бесполезна, если человек не понимает её значения.

Поэтому мне приходится подробно рассказывать Мари о событиях тех лет. Тогда мы только-только познакомились. И тогда же Глеб, ещё не представляя себе, что вскоре станет моим тестем, направил мне в Нью-Йорк дипломатической почтой записку из «Ла Насьон».

Справка: покушение на Джона Кеннеди

22 ноября 1963 года, в 12.38 по средневосточному времени США, самолет президента США Джона Фицджеральда Кеннеди приземляется в далласском аэропорту Лав-Филдс, штат Техас. Через четверть часа президентский кортеж отправляется в город. В 13.30 на площади Дили-Пласа в автомобиль президента трижды стреляют. Одна пуля попадает в голову Кеннеди.

Раненого доставляют в Паркландскую больницу, где он и умирает приблизительно в 14 часов (точное время смерти в разных источниках различается на несколько минут).

В 14.38, после срочных консультаций с министром юстиции страны Робертом Кеннеди – братом покойного, – вице-президент Линдон Джонсон приносит присягу в качестве тридцать шестого президента США.

Одновременно задержан человек по имени Ли Харви Освальд, которому предъявляется обвинение в убийстве президента и который при бегстве с места покушения застрелил ещё и патрульного полицейского Типпита.

Тело Кеннеди доставляют в центральный госпиталь ВМС. Похороны состоялись на Арлингтонском кладбище в понедельник 25 ноября.

За день до похорон, 24 ноября, некий Джек Руби, несмотря на многочисленную (до семидесяти человек) охрану, проникает в здание полицейского управления Далласа и убивает Освальда pistolетным выстрелом в упор. На допросах Руби утверждает, что стрелял по собственной инициативе, дабы наказать убийцу президента. Руби приговаривают к пожизненному заключению.

Через три года он умирает в тюремной больнице от рака.

Согласно заключению следствия, Ли Харви Освальд был убийцей-одиночкой, неуравновешенным типом, страдающим шизофренией.

Вокруг покушения немедленно возникают слухи и споры. Журналисты, эксперты, политики отмечают огромное количество неувязок в официальных заключениях. Утверждается, что следствие намеренно скрыло истину.

Ходят упорные слухи о связях Освальда с ЦРУ. Говорят об участии в покушении нескольких стрелков. Прокурор Нового Орлеана Джим Гаррисон проводит независимое расследование, доводит дело до суда, но суд оправдывает обвинённых им лиц.

Утверждают, что за первые четыре года после покушения было убито не менее двадцати пяти человек (иногда говорят о шести десятках), имевших хотя бы отдалённое касательство к событиям в Далласе.

Летом 1968 года от пуль убийцы погибает Роберт Кеннеди, выдвинувший за неделю до гибели свою кандидатуру на пост президента страны.

Спустя несколько месяцев Жаклин Кеннеди, вдова президента, неожиданно выходит замуж за греческого корабельного магната Аристотеля Онассиса и уезжает на маленький островок в Эгейском море, где и живет в одиночестве, почти не встречаясь с новым супругом. В 1972 году Жаклин покидает Грецию. В 1994 году она умирает.

Летом 1999 года в авиакатастрофе погибает Джон Кеннеди-младший, сын убитого президента.

До сего дня различные комиссии и комитеты вновь и вновь возвращаются к расследованию покушения. Несмотря на постоянные официальные заверения, что заговора не было, так и нет ответа на многочисленные вопросы по самым разным сторонам дела.

На сегодняшний день опубликовано не менее трёх тысяч книг, посвящённых анализу покушения, следствию, личностям жертв, свидетелей, подозреваемых и других участников событий. В том числе вышли в свет мемуары сотрудников различных президентских служб, а также рассекречены десятки ранее закрытых материалов.

Странностей в деле Кеннеди так много, что практически никто не сомневается в том, что всю правду люди никогда не узнают.

Глава вторая. Прикосновение

2.1. Вдова

Аргентина. Весна 1992 года.

Газета «Ла Насьон» от 20 декабря 1963 года. Первая страница.

«Буэнос-Айрес. Как стало известно, Жаклин Бувер Кеннеди, вдова убитого меньше месяца назад президента Соединённых Штатов Америки, собирается в ближайшие дни посетить Аргентину, где она проведёт рождественские праздники и Новый год. Кроме Буэнос-Айреса, госпожа Кеннеди собирается посетить север страны.

Согласно нашим сведениям, госпожа Кеннеди рассматривает возможность приобретения в Аргентине уединённого ранчо, где она могла бы проводить время вдали от мирской суеты. Представители вдовы уже установили контакты с одним из самых престижных аргентинских агентств недвижимости, поручив ему поиски вариантов.

Поездка госпожи Кеннеди носит частный характер. Правительство Аргентины с пониманием относится к желанию вдовы покойного президента избежать протокольных мероприятий и встреч с прессой. Слишком сильна в её памяти пережитая трагедия. Никаких официальных заявлений по поводу поездки не будет».

Любопытно. Вдова президента не должна планировать вояж в далёкую страну спустя месяц после злодейского убийства супруга. Тем более на Рождество. Она не принадлежит себе. У неё есть обязанности, главная из которых – провести эти дни вместе с горящим народом. Если вдова не понимает, в чём заключается её долг, ей подскажут советники и брат покойного.

Но Жаклин не была взбалмошной девчонкой. Раз она запланировала поездку в Аргентину сразу же после гибели мужа, значит, на то были причины.

* * *

Глеб нашел заметку, копаясь в архивных завалах. Советские посольства слали в центр любые попавшие в руки материалы о покушении. Шли первые недели, никто не понимал, что происходит, кто стоит за убийством, куда выведет расследование. Каждый репортёр пытался найти что-то своё, обнаружить изюминку, впечатляюще её подать.

В основном печатали откровенную чепуху, но иногда всплывали и факты. Например, эта заметка, присланная нашим военным атташе в Аргентине среди вороха других статей, осталась незамеченной, так как сообщения из далекой страны никого не интересовали.

Как только Глеб увидел «аргентинский след», он понял его важность: понял значение первого шага президентской вдовы после случившейся трагедии.

И в Аргентину я летал, пытаюсь нащупать неуловимую, едва заметную ниточку. Пытаюсь разобраться, зачем и почему вдова только что невинно убиенного лидера самой мощной державы планеты, принимает решение лететь в далёкую, мало кому известную страну с непролазными джунглями и позабытыми городками, на обширных пространствах которой успешно затерялись в своё время чуть ли не дивизии беглых гестаповцев.

* * *

Я – профессионал. И за неделю работы мне удалось найти маклерскую контору Patagonia Immobiliaria, занимавшуюся в те далёкие времена подбором ранчо для проживания безутешной вдовы, благо контора была серьёзная, а такие фирмы живут десятки лет.

Удалось порыться в архивах – убалтывая библиотекарей по стандартной схеме: журналист пишет очередную биографию Жаклин. В реестрах городских архивов Буэнос-Айреса нашёлся контракт, в котором чётко изложены выдвинутые условия – ранчо для постоянного (!) проживания двух десятков человек, включая саму вдову. Место подыскивалось достаточно уединённое, с возможностью снабжения, но с ограниченным доступом для посторонних.

Прочитал присланный самой Жаклин отказ от выполнения контракта – в связи с изменившимися обстоятельствами и с гарантией выплаты неустойки. Причем контракт подписывался 15 декабря 1963 года, а расторгнут был через неделю, на следующий день после публикации махонькой заметки о готовящейся поездке в «Ла Насьон», подхваченной затем аргентинскими газетами «Пренса» и «Кларин».

Слетал я и на север, где обнаружил старика, возившего в те дни по подобранным поместьям статного американца, говорившего по-испански с кубинским акцентом. Убедился, что поездка действительно была отменена сразу после того, как несдержанный на язык сотрудник конторы, в надежде урвать призовые, проболтался журналистам, причём вдова даже не пыталась сослаться на нарушение конфиденциальности сделки, оговоренной в контракте.

И убедился в очередной раз, что жизнь, это не кинофильм о шпионах. В реальной жизни обязательно возникают бухгалтерские отчёты о выдаче непонятных сумм, корешки авиабилетов, хранящиеся в архивах турагентства, хрупкие пожелтевшие листочки, подшитые десятки лет назад в толстые городские реестры, нотариальные записи, забытые газетные заметки...

В кино, как правило, если нужно показать таинственность происходящего, наклеиваются усы или напяливаются тёмные очки. В реальной жизни секреты операции сорокалетней давности вскроются самым обыденным образом.

В поисках истины самая большая сложность – уговорить бухгалтерию оплатить проезд и выписать командировочные. А остальное – проще простого.

Если поиск ведёт профессионал, разумеется.

* * *

Вернувшись в Нью-Йорк, я вновь полез в архивы и мемуары. И убедился, что в те месяцы вдова планировала поездки в Югославию, Швецию, Индонезию, Панаму, Аргентину, Финляндию и Бразилию. В некоторые из этих стран даже слетала на пару дней.

В Бразилии пробыла неделю, поездив по джунглям Амазонки и наметив новую поездку. Но новый визит отменила после местного путча и появления Бразилии на первых страницах газет (только тогда и стало известно, что в марте шестьдесят четвёртого года Жаклин тайно в этой стране побывала).

Все планируемые и совершённые поездки объединяла странная черта: выбирала вдова страны удалённые, никого не интересовавшие, не игравшие никакой роли в борьбе за мировое господство. Более того, ни одна из этих стран не была членом военных и политических блоков, не собиралась выдвигаться на первые места в экономике, не испытывала особых внутренних потрясений. То есть в первые месяцы после гибели мужа Жаклин выбирала для своих поездок не любимые ею Францию или Англию, а задворки мира, хотя задворки стабильные.

И каждый раз, как только сведения о готовящейся поездке вдруг просачивались в печать, визит отменялся. В Индонезию, например, Жаклин решила не ехать, когда в начале апреля

министр иностранных дел страны господин Субандрио обмолвился на пресс-конференции, посвящённой окончанию переговоров с голландским коллегой, что в ближайшее время в Индонезию из США собирается переехать на ПМЖ некая весьма важная и знаменитая дама, дабы найти отдохновение после обрушившейся на неё трагедии. Уже купленные на рейс Нью-Йорк – Джакарта билеты были сданы на следующий день после выступления болтливой министра.

Но в апреле шестьдесят четвёртого года, как отрезало. Никаких очередных подготовок к страным поездкам. Никуда. Как будто дама и её друзья убедились в невозможности сохранять инкогнито в этих богом забытых странах. Как будто приняли решение жить только дома, осознав, что самое незаметное место – это самое заметное.

Итак, создавалось впечатление, что Жаклин собиралась поселиться в Аргентине, а когда не получилось, решила обосноваться то ли в Бразилии, то ли в Индонезии, то ли в Югославии (стране социалистической, но стоявшей особняком, в друзьях Советского Союза не числящейся).

Впечатление надо было подтвердить или опровергнуть.

Проверить Бразилию и Индонезию не имело смысла. Найти следы пребывания вдовы я бы сумел и там, но зачем? Для подтверждения выводов достаточно было слетать в близкую Черногорию – тихий осколок бывшей Югославии. Поэтому, решив плодотворно использовать положенный отпуск, я взял Мари и укатил на Адриатическое море.

Побеседовав с тамошними пенсионерами из горисполкома, убедился, что в феврале шестьдесят четвёртого Жаклин действительно собиралась купить жильё в Югославии. Кстати, в Черногории искать её следы было легче, всё-таки «социализм – это учёт и контроль». Поэтому вместо беготни по десяткам контор достаточно найти человека, сидевшего когда-то на нужном месте в тихой и уютной госконторе, и мило с ним побеседовать.

Я сделал очевидный вывод: сразу же после гибели мужа Жаклин пытается найти место подальше от США, потише, понезаметней. Место, где можно укрыться от людских взглядов и спокойно жить, будучи забытой окружающим миром.

На тот момент практических аргументов в пользу версии почти не было, но алгоритм поведения вдовушки просматривался чётко: когда люди пытаются что-то скрыть, но вынуждены действовать хаотично, в спешке, они ищут необычные тайники. В ходе поисков люди убеждаются, что таинственное и замысловатое убежище привлекает больше внимания и информация быстрее просачивается наружу. Наконец, они приходят к выводу, что лучший тайник – место под боком, обычное и потому незаметное.

Оставалось понять, почему Жаклин так стремилась уединиться, почему так долго и тщательно выбирала надёжное место. Что скрывала? Что прятала?

Если бы она просто хотела отдохнуть от надоедливых репортёров, то достаточно было выбрать любой фешенебельный курорт, доступ к которому охранялся сворами цепных псов и ватагами добрых молодцев, прошедших не одну войну. В те времена и папарацци не умели так просачиваться, как сегодня, и жизнь репортёрская ценилась не столь высоко. Так что желанием отдохнуть в одиночестве поведение Жаклин не объяснить.

Отбрасывая по схеме Видока имеющиеся версии, я, в конце концов, увидел верную. Ту самую, которую Глеб поручил обнаружить мне, понимая, что ему самому – человеку за порогом старости, почти оглохшему, хотя и пытающемуся наивно-трогательно старческую немощь скрывать – найти разгадку уже не удастся.

Справка: Эжен Франсуа Видок

Схема Видока – стандартная система действий при проведении следственных мероприятий.

Эжен Франсуа Видок – родоначальник детективной службы Франции, ставший в 1811 году её первым начальником, впервые в истории разработавший и применивший научные методы следствия. Именно Видок ввел в обиход картотеки преступного мира с возможностью поиска преступника по отличительным особенностям. Он же впервые применил баллистическую экспертизу, создал картотеку ножей, начал делать слепки следов, основал фонд поддержки нищих, убедив власти, что траты на пособия окупаются снижением уровня преступности.

В молодости был грабителем, отсидел срок на каторге. Выйдя на свободу, посвятил жизнь борьбе с преступностью. На пенсии написал мемуары, в которых подробно рассказал о своих методах и о мерах, необходимых для успешной работы полиции.

Видок стал прототипом многих героев в мировой литературе. У Виктора Гюго в «Отверженных» и Жан Вальжан, и инспектор Жавьер списаны с Видока. Вотрен в «Отце Горио» Бальзака, беглый каторжник в «Больших Надеждах» Диккенса, сыщик в «Убийстве на улице Морг» Эдгара По и ряд других классических персонажей несут черты Видока.

До сего дня во всех следственных мероприятиях применяется схема Видока: перед началом следствия составляется так называемый план-список (название может меняться в зависимости от целей следствия и от ведомства). В план-список вносятся все возможные версии события. На самом деле версий не так много, как может показаться. Даже во всей мировой литературе существует всего около десятка основных сюжетов, а если каждый из них детализировать, то число их увеличится в три-четыре раза, не больше.

Версии вносятся в список в соответствии с имеющимся опытом. Из первичного списка не выбрасывается ни одна из них. И только по мере работы список сокращается.

В детективных романах никогда об этой схеме не говорится – она скучна. В романах и в кино сыщик добавляет всё новые версии по мере отказа от предыдущих, тогда как в действительности он приходит к очередному решению, вычеркивая предыдущие.

Любопытно, что при расследовании убийств под первым номером в первичном списке всегда стоит пункт «убийство совершено сумасшедшим без конкретной причины». И только по мере поступления дополнительных сведений, эта версия изымается. Но в любом случае убийства, совершенные безумцами, наиболее распространены.

Схема Видока применяется не только при расследовании преступлений. Те же методы используются в науке (на них, в частности, строятся принципы работы электронно-вычислительной техники), в политике, в военном искусстве. Дипломаты тоже начинают анализ действий оппонента с составления полного списка возможных его действий, а затем, по мере работы, сокращают количество вариантов.

Так же стандартно действует и военный аналитик. Работая над задачей, аналитик составляет полный список возможных решений, постепенно вычеркивая отпадающие. Среди вариантов присутствуют даже самые безумные, причём нередко именно безумные опции поначалу занимают первое место.

2.2. Память

Москва. Осень 1991 – зима 1992 года.

Заметка о готовности вдовы Кеннеди слетать в Аргентину, удачно легла в уже собранную колоду.

Осенью девяносто первого года Россия приняла решение вернуться к полузабытым событиям тридцатилетней давности и собрать для передачи Соединённым Штатам папку с когда-то секретными материалами по покушению на их президента...

Подготовить материалы решили с единственной целью – продемонстрировать победителю в холодной войне добрую волю, заработав на этом очки. Что с большой вероятностью затронет умы и сердца американцев и причинит наименьший вред российским спецслужбам, как не красивая передача такой информации? В реальности никакие секреты раскрыты не будут, однако интерес американской публики будет приятно взбудоражен.

Дело вёл Глеб – в девяносто первом у аналитиков особой работы не было – начальники в первую, и единственную, очередь мечтали только о том, как бы усидеть на месте. На постановку задач подчинённым времени не оставалось. Не то чтобы руководство всерьёз опасалось закрытия нашего ведомства на волне борьбы с остатками коммунистического режима – от военной разведки никакой новый правитель отказываться не станет, а «душителями свобод» мы не считались. Но новая метла по-новому метёт, мало ли что кому покажется. Поэтому когда чья-то умная голова предложила сделать американцам очередной подарок, начальство за идею ухватилось. А ухватившись, обратилось к Глебу.

Будучи хорошим аналитиком, Глеб почувствовал странности сразу. Пахло палёным от каждой бумажки. В деле не стыковались заключения разных комиссий, не сходились мнения различных служб, не совпадали показания свидетелей.

Всё бы ничего. О нестыковках в самом знаменитом покушении двадцатого века только ленивый не писал. Но Глеб заметил главную странность. А именно, профессионалы, которым по долгу службы полагалось работать тщательно и придирчиво, вели себя на удивление глупо.

Если спецслужбы принимали участие в покушении, они обязаны были спрятать свои следы так, чтобы и комар носа не подточил. Если умеют в президента страны стрелнуть, то для них стереть следы своей деятельности – раз плюнуть. А тут каждый уважающий себя журналист в каждой желтой газетёнке приводит улики, подтверждающие причастность рыцарей плаща и кинжала, причем улики яркие, выпуклые, – чуть щёлкни по литавре, и пойдёт труба гудеть.

Оправдания же спецслужб звучат на редкость бестолково, по-детски. Вне зависимости от того, в пушку у них рыльце или нет.

Пресса есть пресса – в погоне за наживой чего только не придумаешь. Но реакция властей совершенно не поддавалась логическому объяснению.

Если только не принять абсурднейшую версию – заговора не было, но вера в его наличие кому-то была крайне необходима.

Тогда возникает простой вопрос: если кто-то – причем кто-то из самых верхов, кто-то, расследующий покушение на президента Соединенных Штатов Америки, – если этот кто-то не желает на корню разбить абсурдную версию широкого заговора с целью убийства Джона Кеннеди, то для чего эта версия создана? Что прикрывает? От чего отвлекает внимание? Какие факты настолько важны, что власть подставляется под удар, создаёт и поддерживает впечатление своей причастности к убийству?

Поставив этот вопрос, Глеб продолжил работу по собственной инициативе.

Ему поручили всего лишь собрать бумаги, хранившихся в архивах советских ведомств, отсортировать их, выбрать наиболее эффектные для американцев (и наиболее безобидные для нас). В первую очередь материалы, связанные с годом жизни Освальда в Минске, куда того

определили после предоставления ему убежища в пятьдесят девятом году, за четыре года до покушения. Затем реляции, докладные записки в ЦК, справки, донесения, вырезки из газет, тассовские релизы, донесения из посольств... Всё то, что уже не принесёт никакого вреда за давностью лет, однако пробудит у американцев интерес и преисполнит чувством благодарности.

Но Глеб был аналитиком. Глеб был хорошим аналитиком. Работая, он не мог пропускать несуразности. Поэтому, почуяв, что в глубинах скрывается бомба невероятно разрушительной силы, попросил меня этим делом заняться, избавив от остальной рутины.

* * *

Все сведения, необходимые аналитику, можно получить из открытой печати. Это аксиома. Чем больше о деле пишут в газетах, тем легче найти разгадку. Когда не видишь нужной информации, это всего лишь означает, что она в другом месте. Если время позволяет, ты это место найдёшь.

Через месяц, перекопав все московские архивы и поняв, что из них больше ничего выудить не удастся, я поехал в Нью-Йорк. Разрешение Глеб пробил быстро. Визу ставили в дипломатический паспорт, вписав меня в состав какой-то российской делегации то ли в ЮНЕСКО, то ли Всемирной организации здравоохранения.

Я не собираюсь рассказывать сказки. Правильная версия пришла мне в голову сразу же. Для этого не надо было быть очень умным.

Точнее, ввёл правильную версию в схему Видока сам Глеб, как только сообразил, что кроме событий, лежащих на поверхности, в деле есть нечто, тщательно охраняемое от посторонних глаз. Поступил стандартно, согласно правилам.

Элементарно, Ватсон... Если быть очень привередливым, то у Глеба только одна заслуга – он понял важность скрываемой информации. А поняв, поставил на раскопки меня.

И я тоже прикоснулся к истине...

Справка: комиссия Уоррена

Следствие по делу об убийстве президента США Джона Кеннеди Конгресс США поручил комиссии Уоррена, названной так по имени её председателя Ирла Уоррена. Комиссия была создана 29 ноября 1963 года по предложению депутата Чарльза Гудела. После споров о составе утверждена в количестве семи постоянных членов и четырёх кандидатов.

Официальное заключение комиссии состоит из 26 томов. К тому же в качестве приложений фигурируют ещё несколько десятков томов дополнительных материалов. Всего в досье 254 тысячи страниц. В них приведены 3100 отчётов и рапортов спецслужб, описаны 264 следственных эксперимента, приводятся протоколы допросов 522 свидетелей. Общий вес хранящихся в архивах бумаг и улик по делу составляет свыше семи тонн.

Материалы комиссии общедоступны. Утверждения об их секретном характере – вздор! Мнение о недоступности материалов основано на первоначальном решении, согласно которому протоколы должны были сохранять секретность в течение семидесяти пяти лет. Однако, начиная уже с шестидесяти четвёртого года, гриф секретности постепенно был снят со всех материалов.

Все члены комиссии имели отношение к государственным службам – Аллен Даллес в течение девяти лет возглавлял ЦРУ, Джеральд Форд (будущий президент США) контролировал ЦРУ со стороны конгресса, Ричард Рассел занимал пост председателя сенатского комитета по контролю над вооруженными силами, Джон МакКлой работал в министерстве обороны, к тому же занимался вопросами, связанными с работой полиции. Иными словами, в комиссии Уоррена были собраны прекрасные организаторы, вплотную знакомые с системой расследований серьезных дел. В помощь им были приданы сотни следователей и экспертов.

В десятках томов официального заключения очевиден серьёзный, вдумчивый, профессиональный подход. Упоминаются все версии, включая абсурдные. Но даже неприкрытая чепуха не отвергается просто так. Вывод о несоответствии истине делается, только когда улики проверены, свидетели допрошены, следственные эксперименты проведены.

При внимательном изучении выводов комиссии сомнений в их правдивости не остаётся.

Понятно, кому и зачем необходимо на всех уровнях утверждать, что выводы следствия весьма спорны, – для репортёров и любителей теорий заговора это хлеб насущный. Непонятно, почему сами власти мнутя и не пытаются толково оправдаться, поддерживая вот уже десятки лет мнение о том, что комиссия Уоррена скрыла реальные факты.

(Часто в исследованиях по делу Кеннеди упоминается церковный комитет конгресса, в него, мол, входят представители разных религий. Якобы церковный комитет занимался собственным расследованием покушения и пришёл к иным выводам. На самом деле речь идёт о так называемом Church Committee. Название не имеет отношения к церкви (church по-английски – церковь). Комитет был назван по имени его председателя Франка Чёрча. Он расследовал обвинения в заговорах, направленных на ликвидацию зарубежных лидеров. Комитет Чёрча проверял на конституционность признание президента об участии США в подготовке десанта на Кубу; анализировал решение о блокаде Кубы, принятое 3 февраля 1962 года; рассматривал сведения о причастности США к убийству в ноябре 1963 года Нго Динь Дьема, южновьетнамского диктатора. Рассказы о параллельном расследовании – результат путаницы в умах, а то и выдумки досужих репортёров).

2.3. Рассказ

Португалия, южное побережье. 7 марта 2004 года.

Мари слушает. Отца она любит больше, тут ничего не поделаешь. Глеб – редчайший человек. Такие люди рождаются раз в столетие, и только у таких людей рождаются такие дочери.

Разница между Глебом и Мари огромная: у Мари нет аналитических способностей, она не умеет решать сложные задачи и разгадывать загадки. Мари не сможет скроить из разномастных газетных вырезок точную вязь событий, с достоверным предсказанием дальнейшего их развития и формулированием точных рекомендаций.

Впрочем, Мари любит кроссворды, а ещё во время Второй мировой англичане набирали аналитиков из числа победителей конкурсов кроссвордов. Однако умение разгадывать шарады – только основа. Затем требуется долгая и нудная подготовка.

У Мари есть одна общая черта с Глебом: она умеет любить и испытывать боль за любимых. И Мари очень добра. От неё исходит притягательная сила, лечащая любую хандру, заставляющая самого злого и обиженного жизнью человека приходиться в себя и оглядываться.

* * *

Мари понимает, что ситуация необычна. Я никогда не говорил с ней о работе. Никогда не рассказывал о методах анализа. Если сегодня, сейчас, на этом пляже она вдруг впервые слышит от меня такой рассказ, следовательно, происходит нечто невероятное.

Закуриваю. Мари тоже берёт сигарету – тоненькую трубочку Vogue. Подношу зажигалку, Мари автоматически кивает, затягивается.

– Версия о том, что президент остался жив, казалась слишком фантастической, чтобы рассматривать её серьезно. В план-список, конечно, она попала, но только чтобы отсечь после получения первых серьёзных контраргументов. Повторю, версия не мне принадлежит. Из трёх десятков возможных ответов на вопросы о странностях дела Кеннеди, этот вариант у нас считался наиболее безумным. Наряду с инопланетным заговором. У меня, кстати, мелькала мысль, что абсурдные варианты добавляются в схему с единственной целью – начальству всегда можно с гордостью доложить о подтверждении ложности трёх версий. Начальство всё понимает, но ему тоже приятно, что аж три версии отмели... – дело движется, есть о чем отчитаться.

– Подожди, Вадим... О чём ты? Я сегодня впервые услышала, что ты занимался расследованием убийства Кеннеди. А ты начинаешь с самого невероятного...

– Нет. Мы с твоим отцом не занимались расследованием убийства. Мы готовили материалы для передачи американцам. В ходе работы наткнулись на странный клубок противоречий. И в Аргентину я поехал, сообразив, что именно там находится кончик ниточки. Насколько ниточка окажется реальной зацепкой, знать я не мог. Возможно, эфемерная надежда. Однако без поездки вывод сделать было нельзя.

В этот момент мы сидим на горячих камешках и курим, отдыхая после первого часа пути. Мари поднимает голову и смотрит мне в глаза. Потом резко произносит:

– В Аргентину ты брал меня в качестве прикрытия? Это у вас так называется?

– Нет. Кого волновало в Аргентине, один человек приехал или с подругой?

(Немного кривлю душой, конечно. Если бы вдруг аргентинцы решили обратить внимание на странного русского дипломата, то увидели бы человека, днём бегающего по агентствам недвижимости, а вечера проводящего в обществе привезённой из Москвы леди с другой фамилией, несомненно, чужой жены. Обычные проделки среднего клерка. Но и Мари я сейчас не лгу – без неё я невероятно скучал и больше не мог выдержать даже неделю).

Не сомневаюсь, что Мари всё поймёт, но для понимания необходимо время. Именно поэтому мне приходится терпеливо и нудно, бродя по кругу, вспоминая подробности, возвращаясь к уже изложенным деталям, рисовать ей картину происходящего.

Когда Мари разберётся в ситуации, я смогу на неё опереться.

* * *

В нашей жизни не всё так просто. Иногда у Мари проскальзывает нотка горечи: ей кажется, что я не только холоден, но и равнодушен к её заботам и тревогам.

Однажды, когда я был в командировке, в доме кончились деньги. В шкапулке на моём домашнем рабочем столе хранится стопка банкнот на чёрный день. Когда я созвонился с Мари, чтобы рассказать о повседневных печалях и радостях, она пожаловалась на безденежье.

Мне и в голову не пришло напомнить о шкатулке. Ведь та не заперта, деньги на виду – бери и трать... Но Мари так не умеет. Ни взять без спроса, ни попросить разрешения. Только спустя годы я узнал, что тогда она обиделась на моё безразличие.

Когда мы вместе едем отдыхать, идём в кино или ресторанчик, Мари воспринимает как должное, что деньги трачу я, поскольку моя зарплата выше. Если у меня карманы пусты, Мари заплатит за билеты сама или купит приглянувшуюся книгу, которая, по её мнению, мне нужна (это удивительно – Мари удаётся улавливать мельчайшие оттенки моих увлечений в каждый момент жизни). Но Мари так и не научилась объединять наши средства. Что за этим стоит? Боязнь остаться одной? Подспудное недоверие даже ко мне? Опора только на собственные силы, когда человек принимает как должное любой подарок, вплоть до поездки куда-нибудь в Таиланд или Испанию, но не считает себя купленной куклой?

Для меня сделать Мари подарок, заметить искорку радости в её глазах – главное удовольствие в жизни. Но у Мари иногда проскальзывает нотка горечи, штришок сомнений. Поэтому мне трудно. Мне надо убедить Мари в том, что у меня нет другого выхода – без её помощи нам обоим не выбраться. Поэтому я продолжаю рассказывать ей то, что скрывал все эти годы.

2.4. Манипуляция с абсурдом

Москва. Осень 1991.

Наверно, отправной точкой для Глеба стал момент, когда он наткнулся на «ошеломляющие» доказательства участия в покушении не менее двух снайперов.

И сразу же у него глаза на лоб полезли. Не потому, что Глеб этой версии не знал – даже те, кого убийство президента Кеннеди не слишком трогало, слышаны о двух убийцах, в противовес «лживому» утверждению следствия, что действовал убийца-одиночка. И не потому что сколько Глеб ни старался, никаких доказательств в пользу двух стрелков он так не нашёл.

А потому что попытки властей поддержать выводы комиссии Уоррена звучали жалко, беспомощно и наивно. Власти оправдывались настолько тупо, что складывалось впечатление, будто Освальд – второстепенная фигура (если он вообще имел какое-то касательство к покушению), а истинные зловещие убийцы надёжно властями укрываются.

Из года в год, из книги в книгу, из статьи в статью кочуют одни и те же удивительные подсчёты секунд, необходимых на перезарядку карабина. Мол, Освальд не мог стрелять в одиночку, так как не успевал свой Mannlicher-Carcano перезарядить.

Глеба не удивило появление версии о нескольких стрелках – ведь всех интересует, сколько человек стреляло и где снайперы располагались. Удивило то, что самому Глебу хватило пары дней, чтобы убедиться, что стрелял один человек – Освальд.

Журналистов и писателей понять можно – хлеб у них нелёгкий. Читатели верят на слово, проверять утверждения не торопятся. Это тоже понятно – читатель любит факты погорячее. А вот почему власть, вместо того, чтобы раз и навсегда закрыть тему, объяснив простейший фокус, застенчиво заикается, – вот что мучало Глеба, пульсировало в мозгу, не давало успокоиться. Ведь речь шла об одном из важнейших аргументов, опровергающих выводы официального следствия. А власть стыдливо отворачивается, подставляя себя нападкам.

Ошеломили Глеба и выводы Комитета по расследованию тяжких преступлений (есть такой в нижней палате конгресса) – в конце семидесятых этот комитет под давлением общественного мнения провёл повторное расследование убийства президента.

Комитет пришёл к заключению о возможности участия нескольких стрелков. Причём вывод делался на основании всё тех же подсчётов времени, необходимого для трёх выстрелов. Не успевал Освальд перезарядить свой карабин три раза за те секунды, что шла стрельба! Не мог! А выстрелов было три! Значит, кто-то ещё стрелял. Комитет конгресса тоже не заметил бросающийся в глаза идиотизм подсчёта.

Глеб же абсурдность исходной посылки увидел сразу. Проверил и перепроверил выводы. Убедился в смехотворности доказательств. Сначала подивился тому, что никто абсурда не замечает. Затем пожал плечами и сказал себе, что такого не может быть, – хоть один здраво-мыслящий человек у властей должен был найтись.

Раз смешные подсчёты не опровергаются, следовательно, задача ставилась иная – не разбить дурацкие домыслы, а посеять сомнения в выводах комиссии Уоррена, создать впечатление, будто бы в официальном заключении что-то нечисто.

* * *

Толпа впечатлительна. Манипулировать людьми легко. При работе с толпой нет необходимости в серьёзных аргументах. Людская психология устроена так, что человек принимает на веру самую тупую информацию, если она отвечает его запросам.

Если человек влюблён, то с готовностью верит пустым клятвам и заверениям в вечной любви. Если болен, то скорее поверит обещаниям псевдоцелителей, чем серьёзным врачам.

А если человеку хочется услышать нечто любопытное, нарушающее размеренный ход скучно-постылого однообразия, то он готов поверить любой наукообразной теории.

Растиражируйте заявление о полевых экспериментах, в которых принимали участие независимо друг от друга десятки оружейников, доказавших невозможность трёхразовой перезарядки карабина за несколько секунд, и народ начнет в массовом порядке истово этим бредням поклоняться. Рождается вера в заговор с целью убийства президента.

Главное, чтобы бредни излагались с серьёзной миной. Это непреложное условие завоевания безграничного доверия! (Хотя если речь идёт о клятвах в вечной любви и мольбах не бросать её, то женщине дозволяется пустить слезу – помогает!).

Справка: сколько было снайперов

У версии о наличии двух или более стрелков, покушавшихся на президента США, четыре основных аргумента:

1. Всего стреляли трижды. С момента первого выстрела до последнего прошло 5,9 секунды. Это ясно видно на снятой случайным свидетелем киноплёнке, это подтверждено следственными экспериментами. Один снайпер не мог сделать три выстрела, так как на подготовку к одному выстрелу из карабина Mannlicher уходит не менее трёх секунд. То есть на три выстрела убийца должен был потратить девять секунд. Проводя опыты на полигонах, десятки снайперов-профессионалов пытались стрелять быстрее, но безуспешно.

Вопрос: как Ли Харви Освальд умудрился сделать три выстрела менее, чем за шесть секунд?

2. Десятки свидетелей показали, что явно слышали выстрел с поросшего травой холма на другой стороне площади, а не из книжного склада, откуда стреляли согласно официальному заключению. Другие свидетели слышали выстрелы и из склада, и с холма...

Вопрос: почему следствие проигнорировало показания этих свидетелей?

3. Некоторые свидетели явно видели дымок от выстрелов, поднимающийся с холма.

Вопрос: почему следствие не обратило внимания на заявления этих лиц?

4. Полицейские нашли на холме ещё одну винтовку!

Вопрос: почему в официальных выводах об этой винтовке ничего не говорится?

Эти четыре пункта и считаются убедительными доказательствами, опровергающими выводы комиссии Уоррена о стрелке-одиночке Освальде. Все эти пункты легко разбиваются:

1. За 5,9 секунды перезарядить карабин три раза и сделать три выстрела невозможно. Это верно. Но ведь учитывать надо только два выстрела – второй и третий! Время, затраченное на подготовку к первому выстрелу, в расчёт не принимается, так как Освальд заряжал карабин и целился до открытия огня. Нельзя учитывать и время, затраченное на выброс третьей гильзы. Таким образом, за 5,9 секунды было произведено всего два выстрела. А это средний показатель для недавнего морского пехотинца. Первым выстрелом Освальд поражает цель, два следующих – промахи, – несмотря на то, что медленно движущийся автомобиль находится на расстоянии 80 метров. Но даже знаменитые 5,9 секунды выдуманы прессой. На самом деле, стрельба длилась до восьми секунд. На плёнке Запрудера выстрелы следуют от кадра 210 до кадра 313. Длительность экранного времени от первого выстрела до последнего – 7,6 секунды. У Освальда оставалось время даже на четвёртый выстрел.

Вывод: затраченное на стрельбу время и её результаты соответствуют официальной версии.

2. Действительно, десятки свидетелей слышали звук выстрелов с холма. Следователи опросили двести десять человек из толпы. Шестьдесят из опрошенных подтвердили, что слышали стрельбу с холма. Еще около пятидесяти слышали выстрелы и с холма, и из склада. Но достаточно сверить схемы расположения этих свидетелей по отношению к холму и складу, чтобы убедиться в том, что речь идёт об элементарном эхе.

Вывод: свидетели, слышавшие выстрелы с холма, слышали эхо.

3. Дымок на холме, замеченный десятком человек, имел место. Чтобы понять, что это за дым, достаточно в жаркий погожий день найти в центре города травяной холм и посмотреть на него. С холма обязательно будет виться дымок... испарений. Воздух вибрирует, и это можно принять за дымок. Если рядом начнут палить из винтовки, а потом наблюдателя расспросить о виденном, то не стоит удивляться замеченному дымку от выстрелов.

Вывод: дымок на холме – не дым от пороха, а обычные испарения в жаркий день.

4. Винтовка, обнаруженная на холме. Первоисточник слуха определить не удаётся. Нет никаких фамилий, фотографий, свидетельских показаний. Возможно, слух родился после того, как репортёры заметили полицейских, несущих карабин Освальда мимо холма. Возможно, в винтовку на холме причудливо трансформировался найденный в помещении книжного склада игрушечный автомат, принадлежавший сынишке одного из работников. В любом случае никаких подробностей нигде не приводится. Кто нашёл вторую винтовку? Когда? Кто первым об этом заявил? Ответа нет. Всюду, в любой публикации только ссылаются на предыдущую.

Вывод: довод придуман репортёрами в погоне за сенсацией. А может, и не репортёрами, а может, и не ради сенсации...

Несмотря на то, что все доказательства участия нескольких стрелков легко разбиваются, власти их не опровергают. В 1979 году Комитет

конгресса по расследованию тяжких преступлений на основании именно этих доказательств делает вывод о возможности заговора.

Между тем писатель Бернард Корнвел в одной из книг о майоре Шарпе (знаменитая серия о наполеоновских войнах) описывает, как Шарп рисуется перед новобранцами, заявляя, что может за минуту выстрелить из ружья три раза, тогда как по регламенту полагается сделать один выстрел, а очень хорошие стрелки успевают сделать два. Шарп за минуту стреляет трижды! Солдатики поражены. И только старый сержант ухмыляется в усы. Он-то знает, в чем фокус – в первый раз Шарп заряжал ружьё до начала отсчёта...

Даже в историческом романе демонстрируется невинное мошенничество при подсчётах секунд. Власти США до сих пор не удосужились опровергнуть надуманные аргументы, подогревающие общественное мнение вот уже десятки лет.

2.5. Семья

Португалия, южное побережье. 7 марта 2004 года.

«Все счастливые семьи похожи друг на друга...» Если все остальные счастливые семьи похожи на нас, то любопытно, сколько счастливых семей останется в живых через пару суток?

Мари в ответ на шутку посмеивается. Вообще-то, шутки мои ей не нравятся – она их воспринимает слишком серьёзно, а шутки у меня бывают резкими, иногда на грани жестокости. Часто Мари мягко просит не шутить. Но для меня чёрный юмор – отдушина, выплеск злости и раздражения из-за абсурдности ситуации. Конечно, так нельзя, я понимаю, что мои шутки могут быть неприятны. Но ничего поделать с собой не могу – мы все выплёскиваем раздражение на самых близких. Иначе облегчить душу не получается. Видимо, близкий человек должен принимать на себя часть наших настроений.

* * *

В чём-то Мари обычная женщина. Однажды давным-давно, в первые дни нашей любви, ей показалось, что я собираюсь её бросить – тогда мы ещё только притирались друг к другу. Она горько плакала, просила не уходить.

Я увидел, что она меня любит не меньше, чем я её. И с тех пор у нас не было размолвок. Или почти не было. В этом отношении мы – исключение из правил. Даже счастливые семьи иногда поругиваются. Мы же не ругались. Почти ни разу. А когда ругались, то виноват был я и только я – выходил из себя по пустякам, спускал на Мари ненужных собак, выпускал пары. Причина всегда лежала в стороне: нелады на работе... зуб болит... погода подкачала...

Но Мари невероятная женщина. Несколько поползновений к ссоре закончились ничем как раз из-за её реакции. Чего стоило спокойствие Мари, мне никогда не узнать, но после того, как она дважды или трижды не дала ссоре развиваться, ссориться стало неинтересно.

Мари – единственный человек, кому я доверяю безоговорочно и безраздельно. Поэтому я не могу излагать дело профессионально. Срываюсь, перепрыгиваю. Волнуюсь как мальчишка. Топчусь-топчусь, а рассказ не двигается. Хотя Мари постепенно узнаёт сведения, необходимые для понимания. И то хорошо.

Сколько в Мари от Глеба? Сколько от мамы? Сколько от мужа, с которым провела долгие годы? От детей? От меня? Сколько только своего, только того, что было даровано природой только ей?

Пока я знаю одно – мы любим друг друга и готовы на всё ради друг друга. К нам не относятся утверждения, будто за дымовой завесой показной заботы о ближнем люди скрывают стремление обеспечить собственное благополучие.

* * *

Когда мы поженились, Мари рассказала, как убили Стаса.

Пулей. Точнее, шестью пулями. В дверь позвонили, он пошёл открывать. Не поглядел в глазок, не спросил, кто там. Открыл дверь, раздались хлопки – шесть тихих хлопков. Стас упал и умер. Обычно дверь открывала сама Мари. Если бы она открыла дверь и в тот раз, то сначала застрелили бы её, а потом Стаса.

Но открыл двери Стас, Мари осталась жива, и мы познакомились за праздничным столом, когда случайно оказались друг против друга во время празднования то ли годовщины свадьбы Глеба, то ли очередной круглой даты его военной службы. На ней был черный свитер и белая брошь. И у неё была мягкая, спокойная улыбка. Мари улыбается далеко не всегда – только у сумасшедших постоянно ровное и прекрасное настроение. Но с тех пор без её улыбки жить мне стало если не невозможно, то очень и очень трудно.

* * *

«...каждая несчастливая семья несчастлива по-своему».

Вряд ли где-то в мире есть ещё одна семья, в которой сегодня происходит то же, что с нами... Значит, мы несчастливая семья? Поживём – увидим.

И они жили долго и счастливо и умерли в один день.

Глава третья. Легенда

3.1. Глеб (обыкновенная биография в обыкновенное время)

Предисловие Вадима Шмакова: «Это черновик мемуаров Глеба Сергеевича Голикова, найденный мною на его даче. Несколько рукописных страничек хранились в стареньком письменном столе. Обнаружил я их, копаясь в бумагах по просьбе Натальи Петровны, вдовы покойного. До меня на даче побывали специалисты, забравшие всё, что им показалось достойным внимания, поэтому остаётся загадкой, каким чудом бумаги уцелели среди ненужного хлама: выписанных на карточки слов, конспектов классиков марксизма-ленинизма, газетных вырезок на тему партийных съездов. В записках схематично охвачен весь период военной службы, но упор делается на последний год работы. Видимо, Глеб Сергеевич хотел написать именно о последнем поручении. Скончался он в девяносто третьем году, через год после выхода в отставку. Успел написать мало. Подзаголовки придуманы мною, деление на главы тоже моё. Ниже несколько отрывков из записок Глеба».

«Умных убийц не бывает по определению. Раз человек убивает, значит, он глуп» – броская и ёмкая фраза, согласен. Но, к сожалению, иногда другого выхода не остаётся.

Мне повезло, потому что убивать не приходилось. Пару раз присутствовал на совещаниях, где другие люди, занимающие более важные посты, принимали решения о ликвидации. Но оба раза моё участие ограничивалось невнятным молчанием.

На совещаниях я любил рисовать дерущихся человечков и пиратские рожицы, напоминая самому себе скучающего на неинтересном уроке школьника. А после окончания совещания черновики собирал секретчик.

Не было сомнений, что бумажки тут же сжигаются, однако как-то раз начальник поймал меня в коридоре и скучающим голосом, глядя вдаль поверх головы, поведал, что руководство заинтересовалось моими упражнениями по рисованию, – мол, не представляют ли фигурки беснующихся пиратов моё видение начальства. Возможно, подсознательно я именно так нашу кухню и видел – засилье пиратских рож, вдохновенно режущих друг друга.

Начал я службу лейтенантом, потому что мне удалось поступить в Московский институт иностранных языков – так тогда назывался многострадальный (в смысле переименований) нынешний Московский лингвистический университет. Большая же часть сверстников после окончания школы пошла служить рядовыми, и к моменту окончания учёбы выяснилось, что призывники сорок девятого домой всё еще не вернулись, так как по срокам этот год оказался самым неудачным из всех послевоенных, и солдаты служили шесть лет.

Не успел порадоваться, что избежал долгих лет военной каторги, как меня, вместе с большей частью выпускников института, тоже забрали. Согласия нашего, разумеется, никто не спрашивал, так как выяснением мнения обычного гражданина в те времена не увлекались. Любить родину и выполнять её поручения считалось святой обязанностью. Честно говоря, мы и сами не сомневались в праве родины распоряжаться нашими жизнями.

На пенсию ушёл полковником. Генерала не получил потому, что сначала началась перестройка, затем пришла неразбериха, а затем я был отправлен в отставку – в возрасте шестидесяти лет, на пять лет старше, чем в армии положено.

На первый взгляд это показало, насколько меня ценили, – переслужил. Однако в нашем ведомстве мой возраст считался если не младенческим, то и не пенсионным. Некоторые пол-

ковники исправно приходят на работу и в семьдесят – в полном противоречии с уставами и законами о воинской службе. Увольнение в моём возрасте считается, скорее, опалой.

Но меня уволили, когда я перестал слышать сослуживцев, телефонные звонки, доклады и приказание вышестоящих начальников. Попросту говоря, оглох. А глухой разведчик – это нонсенс. Такому даже мышь убить не поручишь. Хотя, как я заметил выше, согласно должностным обязанностям убивать мне не приходилось.

В армии понравилось. Не знаю, чем это объяснить, так как до призыва относился к ней как и вся интеллигенция – называл военных солдафонами и считал эту организацию пустой тратой народных денег (однако своё мнение умело скрывал).

Так уж получилось, что в армии и жену нашёл, и зятя. Жена, Наталья Петровна, работала вольнонаёмной в штабе главного разведуправления. Первый раз побывала замужем неудачно. Муж спился, они разошлись, и Наташа осталась одна с маленькой дочерью по имени Мари. Поэтому у дочки не моё отчество.

С первых дней службы работал в разведке. Набравшись определенного опыта, стал аналитиком. По мере продвижения по службе узнавал всё больше секретов. Довелось поработать за рубежом, причём в те времена, когда советским людям удавалось выехать из страны только по решению ЦК родной партии.

Интересы страны не ограничивались географическими границами, что не удивительно, так как любая уважающая себя держава стремится к упрочению положения в мире, поэтому больше всего за границей было именно армейцев, – как в соседних ГДР или Польше, так и в экзотических алжирах, мали или камбоджах.

Несколько лет служил на Кубе. После первого года, проведённого в одиночестве, решили приехать семье. На Кубе провёл самые приятные и беззаботные годы жизни. Даже прислуга была – местная негритянка, как будто бы сошедшая со страниц романа о добропорядочной белой семье, в которой прижилась любимая няня, она же повар, она же уборщица, она же мастерица на все руки, не представляющая себе жизни без хозяев. Наташа бегала по посольским магазинам, весело закупая дефицитные в стране продукты (в дефиците было всё, включая картошку и хлеб). Негритянка готовила обеды и гладила рубашки. Мари училась в посольской школе и поступала в пионеры. По воскресеньям все вместе ездили на пляж, где Мари под моим руководством прилежно училась плавать, а Наташа зорко следила, чтобы я не заводил знакомство с местными барышнями.

Так как работа была связана со стратегической аналитикой, то на самой Кубе мои донесения и доклады никого не интересовали, да и в Москве на них смотрели как на обязательное, но не очень нужное приложение к действительно важным разработкам.

Конкретные схемы моей тогдашней деятельности придётся оставить в стороне, так как они с тех времен не очень изменились, и лучше их не обсуждать. Хотя я и на пенсии, хотя страны, которой я приносил присягу, уже нет, но законы чести остаются в силе, а поэтому не хочется приводить лишние подробности.

* * *

На Кубу я приехал в тот момент, когда о знаменитом октябрьском кризисе шестьдесят второго года стали забывать, поэтому самое интересное рабочее воспоминание относится к покушению на президента Соединенных Штатов Америки.

Нет, в то время я не интересовался ни биографией Кеннеди, ни перипетиями, связанными с этим делом. Я был обычным советским офицером, которого, помимо семейных забот, волновали вопросы денежного содержания, слухи о замене бесполосных сертификатов (которыми выплачивались оклады на Кубе) на гораздо худшие, с синими полосками, продление командировки ещё на год-два и тому подобные вещи, гораздо более важные для советского

человека, чем вся мировая политика. Разумеется, в курилках и на дружеских посиделках речь о покушении заходила, однако кампания по повсеместному внедрению кукурузы, из-за которой на родине, по слухам, исчезли хлеб и молоко, вызывала гораздо больше разговоров.

По делу Кеннеди я отправил в Москву сотни материалов, – в основном перехват радиорепортажей, интервью, обзоров на испанском языке. Во Флориде оседали сотни тысяч кубинцев, бегущих из благословенного коммунистического рая, в Калифорнии было много выходцев из Мексики, да и в сопредельных странах чувствовался интерес к событиям. Поэтому на английском языке Москва получала вести прямо из американских столиц, а на испанском сам бог велел собирать информацию нам. Затем интерес центра к делу схлынул, и о Кеннеди временно забыли.

* * *

Через пару лет мы вернулись домой, получили квартиру на последнем этаже кирпичной пятиэтажки в Филях, Наташа вернулась на работу в генштаб, Мари успешно закончила школу и поступила на курсы секретарей-машинисток в Министерство внешней торговли (место бластное, пробить его стоило определённых трудов, но у каждого человека в нашей стране был свой блат, на этом и держались).

Работать Мари не пришлось, она тут же выскочила замуж за Стаса Предельного – тоже офицера разведки, который работал под прикрытием коммерсантом в том самом министерстве и был старше Маришки на дюжину лет. Никакого отношения к их знакомству я не имел. Как к браку отнёсся? Как обычный отец. Ревновал, жалел, понимал, сочувствовал, радовался. Когда родились внуки, возгордился. Всегда защищал дочь в спорах с мамой. Маришка этим хитро пользовалась. С мужем она провела несколько лет в Индии, где он занимался примерно тем же, чем я на Кубе, и где повторилась наша кубинская история – собственный домик, прислуга, весёлая жизнь, разве что вместо одной девчонки в семье были мальчик и девочка.

С зятем никаких проблем не было. Если мои дамы могли и взбрыкнуть, и накричать, и поставить на место, то Стас, как младший по званию, подчинялся безропотно, хотя человеком был тяжёлым, резким, властным.

В семидесятые годы мне пришлось много поездить по миру, но уже в одиночку и только в короткие командировки – Колумбия, Перу, Испания и прочие. Даже в Андорре, каким-то чудом попавшей в поле зрения нашего начальства, побывал.

Из всех дел, которые приходилось вести, то есть заниматься вплотную, анализировать, делать выводы и давать рекомендации по контрдействиям, могу выделить ангольские события семьдесят пятого, китайско-вьетнамский инцидент семьдесят девятого, англо-аргентинскую войну восемьдесят второго. По каждому из этих конфликтов помню чуть ли не наизусть имена, даты, города, номера полков и эскадрилий, и конечно, позже я еще расскажу об этом и о многом другом.

* * *

В начале восьмидесятых мне поручили создать специальное аналитическое бюро, позволив набрать в штат способных мальчишек (некоторым из которых, впрочем, было под сорок лет).

Право на личный подбор подчинённых я затребовал в качестве обязательного условия, хотя такой подход не практикуется даже в гражданских учреждениях, не говоря уже об армии. Однако задача считалась сложнейшей: надо было создать контору, которая сумела бы чётко прогнозировать стратегические действия стран вероятного противника, не ориентируясь на ведомственные интересы главков, ведомств и штабов. Бюро должно было устанавливать истину

в кратчайшие сроки на основании минимальных сведений и максимального умения мыслить. А раз так, то требовался коллектив сплочённый, спаянный, умный, получающий удовольствие от работы.

Повезло – начальство проявило неожиданную мудрость и эксперимент с подбором кадров разрешило. Финансирование наладили в считанные дни, остальное шло само собой.

* * *

В людях, как правило, заложено здоровое начало. На свете мало личностей по-настоящему озлобленных и завистливых. Помести человека в изначально тепличные условия, и человек всю жизнь проживёт в любви и согласии с самим собой и окружающим миром.

Вот я и старался наладить работу по-тепличному. Иногда было сложно биться за квартиру для переведенного с Дальнего Востока капитана или за место школьной учительницы для иногородней жены новичка-лейтенанта. Иногда собирал ребят на вечеринки, в походы по родному краю, закрывал глаза на выпивки в разумных пределах, резко обрывал зачатки склок, немедленно избавлялся от потенциальных интриганов. В любых конфликтах отстаивал сторону подчинённых перед начальством. Доходило до угроз хлопнуть дверью и уйти на покой. Ну вот меня и любили «снизу». А «сверху» терпели, потому что результаты бюро давало отменные. Верили ли нам и принимали ли решения на основании наших прогнозов, это другой вопрос. С одной стороны, если бы верили, возможно, и не рухнула бы страна. С другой стороны, когда вся система беспролазно тупа и обречена на гибель, умные аналитики спасти её не в состоянии.

* * *

Последним заданием стало дело, с армией напрямую не связанное. Поручено оно было мне, а не кому-нибудь другому, только потому, что казалось лёгким, как раз для почти пенсионера, а может быть, вспомнили, что в молодости мне уже приходилось работать по делу Кеннеди.

Поручение стало одним из самых любопытных эпизодов моей карьеры. Потому что дело в ходе развития поменяло свой знак на прямо противоположный. Сначала казалось, что речь пойдёт об очередном нудном архивном розыске – раскопках груд пожелтевших реляций во всех закрытых архивах от КГБ до министерства сельского хозяйства. Оказалось, я ошибся.

3.2. Записки Глеба. Недоумение первого взгляда

Итак, через месяц с лишним после так называемого августовского путча 1991 года, меня вызвали к руководству и предложили заняться совершенно скучным, на первый взгляд, делом – подготовить для передачи американцам материалы, которые тем или иным образом касались покушения на Джона Кеннеди в далёком 1963 году.

Задание не удивило – во время службы и не такие приказания приходилось получать. Огорчился, что последней предпенсионной работой станет архивная возня. Но спорить не приходилось, поэтому разработал стратегию процеживания и сортировки архивов. Решил для начала отсеивать документы, которые потенциальному противнику лучше не видеть. Эффектно преподнесённые данные, производящие самое благоприятное впечатление... Сократить лишнее, подчеркнуть наиболее интересные для американцев моменты. Рутинка, рутинка и ещё раз рутинка.

Составил план действий, предоставил начальству, получил добро, приступил к работе. И вскоре недоумённо задумался.

* * *

Началось с того, что под руку попала вырезка из американской газеты, добросовестно пересланная кем-то из советского посольства в Вашингтоне в семьдесят шестом году.

«Стало известно, что военврач, майор Джеймс Хьюмс, проводивший вскрытие тела президента Кеннеди, сжёг в камине собственного дома оригиналы протокола вскрытия. На основании этого сенсационного признания Специальный комитет Конгресса США принял решение о новом расследовании гибели президента».

Сама по себе заметка представляет интерес только с точки зрения тупости журналиста и толпы, реагирующей на галиматью. Заинтересовался я статьёй лишь из пробудившегося на старости лет интереса к человеческой психологии.

Захотелось разобраться, где затерялись серьёзные основания для нового следствия, но появилась ерунда о признаниях врача, который в своём камине сжёг важные бумаги?

И тут перед глазами встала невероятная картина – именно эти признания привели к новому расследованию! Наряду с заявлением редакторов журнала LIFE о том, что у них сейфе хранилась любительская киноплёнка, на которой были запечатлены кадры, из которых следует, что Кеннеди после выстрела откидывается назад, что и доказывает, будто бы пуля летела спереди, а не сзади, как утверждается в официальных выводах следствия.

И ничего больше! Только эти две причины побудили конгресс засучить рукава и сесть за изучение обстоятельств покушения спустя годы после завершения первого следствия.

Признание врача в том, что он сжёг протоколы вскрытия тела. Признание редакции журнала, что в редакционном сейфе долгие годы хранилась сенсационная киноплёнка.

То ли откровенная глупость, то ли от чего-то отвлекают внимание.

Иначе, перед тем как утверждать бюджет на новое дорогостоящее расследование, поинтересовались бы, а как протоколы вскрытия к доктору попали? Доктор в одиночку работал и подписывал бумаги? Так даже с замёрзшими на улице бомжами не бывает. И как это доктор умудрился бумаги домой притащить через все препоны? Почему сжёг? Выполнял чей-то приказ? Опять же почему такой странный способ – доктор крадучись бежит домой, разжигает камин, бросает в него бумаги и любитесь ровным пламенем! А вдруг ему взбрёт в голову не жечь их, а сохранить? Статейка на уровне загадки для первокурсников журфака: найдите сто признаков того, что заметка длиною в пять строчек лжива.

Про плёнку, из которой явно видно, что пуля попадает спереди, даже говорить неприлично. Нет такого на плёнке. Есть несчастный человек, в голову которого попадает пуля, после чего начинаются конвульсии. Как обычно в таких случаях. Ничего другого на плёнке нет.

* * *

Хорошо, я понимаю. В шестьдесят девятом году журнал LIFE дышал на ладан и судорожно искал любые средства, которые помогли бы выжить. Благодаря байкам о таинственной плёнке, сокрытой в сейфах журнала, LIFE агонизировал ещё два года, после чего еженедельник прекратил существование, и вновь появился лишь в семьдесят восьмом году.

Врача-пенсионера, гордо предъявившего свой камин в качестве доказательства уничтожения протоколов вскрытия, тоже понять можно. Слава, гонорары за интервью.

А вот конгресс понять невозможно! Ни у кого не возникает наводящих вопросов по поводу двух «серьёзных» причин для начала нового следствия!

* * *

И очередная комиссия, назначенная законодательной властью, приступает к делу. Исправно работает за народные деньги три года – с семьдесят шестого по семьдесят девятый (а до этого семь лет длилась перепалка на тему возобновлять ли расследование). И после трёх лет работы комитет конгресса рождает гениальное заключение: возможно, заговор имел место! а, возможно, и не имел!

Никаких новых улик. Совершенно никаких! Те же упоминания доктора, любителя каминов; киноплёнка; таинственные бродяги, мелькавшие вокруг места покушения; выстрелы за шесть секунд и тому подобная дребедень, для опровержения которой не то что трёх лет не требуется, а трёх дней достаточно.

Три года комитету понадобилось, чтобы сделать гениальный по простоте вывод о том, что протоколы вскрытия президентского тела пылятся себе на архивных полках, их никто и не трогал за прошедшие пятнадцать лет. Никто их домой не таскал, в каминах не сжигал. И про голову президента, якобы назад откидывающуюся, тоже правильный вывод – ерунда, нет подобного на плёнке. И много другой пустопопорожней болтовни комитетом отмечено.

* * *

Только остаётся непонятным, а зачем же Комитет создавали? Зачем три года работали? Чтобы опровергнуть очевидные глупости, придуманные досужими репортёрами? Чтобы конгрессменам да сенаторам было чем заняться? Мне одного взгляда хватило, чтобы убедиться в абсурдности побудительных причин, а они семь лет решали, разбираться ли, а потом три года разбирались, пока к тем же выводам пришли? Однако.

Думал я, думал и решил посмотреть, а как исполнительная власть на возобновление следствия отреагировала? Президентская администрация, министерства, спецслужбы? Несомненно, осудили трату денег законодателями. Несомненно, предупреждали, что нет смысла искать чёрную кошку в тёмной комнате, когда никакой кошки в комнате нет.

Всё так, да не так! Оказывается, никаких препон возобновлению следствия не ставилось. Абсолютно никаких! Президент, министерство юстиции, ЦРУ только утирались, когда их мордой тыкали, – вы скрываете что-то, следствие проведено из рук вон плохо. Даже не отбивались, мол, не мы следствие проводили, а конгресс. Только вздыхали печально: да, не углядели; да, не заметили; да, может быть, что-то у нас не так получилось.

Что же это получается, спросил я себя. Всегда, без исключений, как только журналисты набрасываются на власть со лживыми обвинениями, власть незамедлительно и резво предъявляет десятки доказательств своей невинности! А вот если обвинения соответствуют истине, тогда власть начинает ужом на сковородке вертеться, непонятными намёками отделяться, двусмысленные фразы произносить.

Значит, говорю себе, виновна власть? Раз ведёт себя в деле Кеннеди именно так, как подобает поступать только в случае виновности? Значит, замешана в грязь? Значит, знает про заговор, про настоящих убийц, но скрывает?

Беру каждое, без исключений, обвинение, внимательно изучаю, и обвинение рассыпается в пыль и прах. Все обвинения – абсурд и досужие выдумки!

Значит, невиновна власть? Раз каждый вывод официального следствия полностью подтверждается?

Но тогда, почему власть не опровергает абсурдные обвинения убедительно и решительно, как и подобает в таких случаях, раз уж алиби налицо?

Зачем власть создает очередную долгоиграющую комиссию, которая будет годами вести новое следствие, придёт к тем же выводам, что и предыдущая, ничего нового не обнаружит, но отвлечёт внимание толпы, состоящей из обывателей, репортёров и мелких городских прокуроров.

От чего отвлечёт внимание? Вот этот вопрос и возник у меня через неделю после начала работы. Тогда я понял, что это дело – не для глухого старика-пенсионера. И вызвал Вадима.

3.3. Досье от Вадима. Обвинения и бродяги

Я прочитал, просмотрел, проанализировал сотни книг о покушении на Кеннеди. И всюду встречал только дезинформацию, липу, откровенные выдумки, направленные на раздувание мифа о том, что следствие по делу Кеннеди проведено из рук вон плохо, настоящие убийцы не найдены, заговор не вскрыт. В лучшем случае речь шла о некомпетентности пишущих. Гораздо чаще исследователи и обвинители явно лгут.

* * *

Например, во всех публикациях (включая комитет конгресса!) повествуется о подозрительных типах, бродивших по Далласу в день покушения на президента. Мол, назвались бродягами, но на бродяг похожи не были, слишком хорошо одеты, выбриты, сыты. Полиция, как ни странно, поверила, что они на самом деле бродяги, и отпустила их, вместо того, чтобы задержать для допросов. Бродяги, разумеется, сразу исчезли. Больше их никто не видел, стало быть, речь идёт об участниках заговора.

В любой книге о покушении эти бродяги предстают участниками большого сговора – ведь они подозрительно гуляли по площади в момент выстрелов, были схвачены и тут же отпущены.

Как такой вывод оспорить? Кем были тщательно выбритые бродяги в дорогой одежде и с сигарами в карманах? Почему их отпустили? Нет ответа! Разве не заговор?

Эпизод с бродягами – один из центральных пунктов сторонников версии заговора! Наряду с секундами, затраченными Освальдом на стрельбу по кортежу.

Что за бред, думаю? Неужели заговорщики настолько тупы?

Не сходятся концы с концами. Если уж заговорщики рядились в бродяг, то не брились бы с неделю, напялили бы лохмотья, поголодали бы чуток, от дорогих сигар бы шарахались, чтобы ненароком ароматным дымком не потянуло.

Значит, это были не заговорщики? А кто тогда? Должны же были власти отреагировать на обвинения в потакании заговору! Должен же был хоть один из представителей полиции, ФБР, ЦРУ, правительства снизить до объяснений, в чём же разгадка сытых бродяг! Ведь чуть ли не полвека уже мучается вся мировая общественность.

Но молчат представители органов, как воды в рот набрали! Пусть, мол, нас обвиняют в том, что мы заговорщиков отпустили, подумай.

Неужели молчат, потому что на самом деле рыльце в пушку?

Полез я глубже, пытаюсь дойти до сути... Дошёл! Нет загадки. Оказалось, есть ответы на вопросы о пропавших невесть куда бродягах. Объясняется ситуация просто и логично. Однако повторяюсь, власти ни разу не удосужились народу ситуацию доступным образом изложить. Чтобы тема о непонятно почему отпущенных на свободу заговорщиках-бродягах исчезла.

Даже мне, сидя в Москве, роюсь в дополнительных материалах комиссии Уоррена, той самой, что якобы злонамеренно игнорирует вопиющие факты, удалось скоро обнаружить историю походов несчастных бродяг.

В Даллас парни приехали за день до покушения. Как перелетали и до сих пор перелетают осенью на юг тысячи и тысячи таких же ребят, ушедших от благ общества и решивших жить без его опеки. Имена «зловещих заговорщиков»: Гас Абрамс, Хароль Дойл, Джон Гедни.

Никто их в день задержания не отпускал. Посидели бедолаги в участке четверо суток, пока не поступил десяток подтверждений рассказанной ими истории. И из Чикаго, и из Детройта, где попрошаек хорошо знали. И из местного отделения Армии Спасения, где предыдущим вечером бродяг приютили, накормили, побрили, подарили чистую и опрятную одежду, даже сигарами снабдили, – точно так же, как поступали и поступают до сего дня славные благотворители со всеми бедолагами, что обращаются туда за помощью.

День за днём, час за часом воссоздали маршрут троих бродяжек. И я до 90-х их жизнь проследил – в США найти человека легко, были бы деньги. Никаких законов нарушать не надо.

Гас Абрамс образумился, на ферме поселился, ни от кого не скрывался, разумеется. Скончался в 1982 году. Двое других, постарев, в приютах осели, тоже ни от кого никогда не скрывались. Джон Гедни умер в 1991, за полгода до того, как я досе готовить стал. Дойл жив до сих пор. Нет-нет да и расскажет друзьям по дому престарелых, как его в ноябре того года ловили, тычет пальцем заскорузлым в книги про покушение, уверяет коллег-старичков, что это о нём речь идёт в главах про бродяг-заговорщиков, только никто ему не верит...

Только один вопрос остаётся неясным, почему точка во вздорном эпизоде не поставлена? Почему везде и всюду вновь и вновь с придыханием рассказывают историю троих богато одетых людей, пытавшихся вскочить в товарный поезд в сотне ярдов от Дили-пласа, назвавшихся при задержании бродягами, немедленно выпущенных на свободу и исчезнувших неизвестно куда.

В зависимости от настроения и серьезности авторов бродягам приписывается разная роль: от команды прикрытия до настоящих убийц президента. И знаменитый прокурор Джим Гаррисон о них повествует, и Оливер Стоун в своем эпохальном фильме «Джон Ф. Кеннеди: Выстрелы в Далласе» вниманием не обошел.

В начале семидесятых, в ходе Уотергейта, подозрительных бродяг пытались связать с кражей документов из штаб-квартиры демократов. Причем очень серьезно связывали, основываясь на неоспоримом факте, – и там трое, и там. И конечно же, в цепи заговора таинственная история бродяг до сих пор считается одним из важнейших звеньев.

Машинист Ли Броверс, обнаруживший бродяг и сообщивший о них в полицию, погиб в августе шестьдесят пятого года. Шина у автомобиля лопнула. Обычная автокатастрофа. С тех пор несчастный машинист числится в длинном списке убранных свидетелей! Его смерть вызвала очередной приступ всеобщей истерии. За что его-то заговорщики убрали?

* * *

Хорошо, сказал я себе. Я понимаю. В момент задержания бродяг местный фоторепортёр их сфотографировал. На сенсацию надеялся. Прокурор Джим Гаррисон, а вместе с ним режиссёр Стоун не читали дополнительные тома следствия. Тоже понятно – там этих томов сотни.

Я не понимаю, почему американские власти ведут себя, будто наслаждение получают от того, что их только ленивый в грязи не валяет в связи с делом бродяг. Ни одна книга, ни один фильм, ни одно исследование этих бродяг не пропустило.

Мазохизм какой-то получается. Администрация президента США, ЦРУ, ФБР напоминают сексობильную даму, млеющую от удовольствия, когда её партнер хлыстом порет. А ведь в нашем случае порют не ласково и не мягкой плёткой, специально для любовных утех приспособленной, а жёстко бичуют, с оттягом, с кровью.

И ведь дело не ограничивается бродягами. Можно брать сотни других пунктов обвинения и точно так же опровергать. Кое-что легко – за один присест. В чём-то надо покопаться – мне пришлось никуда не пропадавших бродяг искать по всем Соединённым Штатам.

Но обвинения распадаются. Все без исключения. При желании.

Либо властям действительно плевать на всё и всех, включая миллионы избирателей, верящих в заговор. Верящих благодаря неубедительным оправданиям.

Либо из двух зол выбирается меньшее – пусть уж лучше нас в убийстве Кеннеди обвиняют, чем в чём-то ином, где не так просто вздорные обвинения в лепёшку раскатать.

3.4. Глеб и Вадим

Москва. 12 декабря 1991 года.

– Приглядишься к обвинениям. К каждому сомнению. К любому доводу.

– Конечно, Глеб Сергеевич... Опять обижаете.

– Не обижаю, и даже не учу. Я тебе время экономлю. Возьми каждое обвинение против властей и пройдишь по нему. От начала до конца. Нужна будет помощь – обращайся. Больше ничего пока не делай и ничего не трогай.

– Глеб Сергеевич, что мы ищем? Что вы там заметили?

– Не буду говорить. Не хочу. Может быть, с ума схожу, старческий маразм. Поэтому пройдишь сам по всем материалам. Чтобы моя шелуха тебе не мешала, свои выводы не подкладываю. Захочешь найти дополнительные данные, сначала меня спроси, – может быть, я их уже искал. Тогда зачем тебе время тратить?

– А если вы не то нашли или не всё нашли?.

– Может быть, и так. Но я говорю о запросах в другие ведомства – наши и ихние. Прежде чем сделать запрос, спроси у меня, не делал ли я его. Потом можешь и сам запросить, если сочтёшь нужным.

– Глеб Сергеевич, я на вас вот уже семь лет работаю. Не люблю я таинственности.

– Я же говорю, старческий маразм у меня. Вот и докажешь, начальству на блюдечке поднесёшь. Меня на пенсию – цветочки в теплице выращивать, – тебя на моё место.

Глеб иногда обидно шутит. Но не для того, чтобы обидеть, а чтобы реакцию увидеть.

– Про начальство и на ваше место – специально? Проверяете, готов ли копать до дна или остановлюсь, если жареным запахнет? Не решу ли рукой на всё махнуть, коли уж вся страна рухнула? Мол, мне что, больше всех надо, что ли?

– Я всегда говорил, что ты сообразительный. Проверяю, конечно.

– Ага, не доверяете, значит.

– Да, да. Вот именно, не доверяю. Я и себе не доверяю... Так, давай о деле. Проверь конкретные пункты. Бери любое заявление: в таком-то году убили такого-то свидетеля, и поработай. Уточни, убили ли; если убили, то был ли покойный и впрямь свидетелем; если был, то что видел; имело ли смысл убивать или случайно зарезали.

– В нашем деле случайностей не бывает.

Глеб хмыкает. С ехидной усмешкой смотрит на меня поверх очков:

– Кино насмотрелся? Али книжек про шпионов начитался? Как будто шпионы не люди. Как будто у шпионов не обычная жизнь, полная совпадений и случайностей.

– Ну, Глеб Сергеевич, вы сегодня не в настроении, как вижу.

– Дошутишься. Не уважаешь начальство. Ладно, не отвлекайся. Проверишь; посмотришь, что получится; сколько аргументов обоснованы, а сколько из пальца высосано. Дальше решим, исходя из соотношения, что происходит. Пока запашок мне всё сильнее чудится.

– Чудится?

– Именно так. Пока чудится. Остальное станет ясно после твоей проверки. Возможно, просто репортёры-шелкопёры воду мутят. Всего в деле обвинительных пунктов тысячи. Проверь главные. Этого хватит. Остальное – чушь, перепевы, откровенное враньё.

– Понятно, могу идти?

Закуривает, держа сигарету как ветераны войны – большим и указательным пальцем, пряча зажжённый конец в ладонь, чтобы огонёк не был замечен. Пауза.

– Нет. Не можешь. Есть ещё одна деталь. Точнее, поправка. Составь список участников – охрана, сопровождение, репортёры, врачи, повара. Они не могли не знать правду. Если кто-нибудь из этих ребят до сих пор работает, то через него мы папку передавать будем.

– Глеб Сергеевич, я не понимаю. О чём вы? После убийства Кеннеди охрана занялась новым президентом. При чём тут наша папка?

– Ладно, твоё дело – проверять по пунктам. На твой выбор и усмотрение. Тщательно проверяй. Не забудь список тех, кто сопровождал охраняемых. Думаю, мы документы американцам передадим через того парня, что около Кеннеди в день покушения стоял. Вот увидишь! Всё. Теперь свободен.

3.5. Записки Глеба. Сенсации на выбор

Может быть, власти просто внимания не обращали на вакханалию слухов? Некогда было разбираться? Может и так. Только ведь «ошеломляющие» открытия регулярно появляются. Как будто кому-то очень хочется время от времени выбрасывать их на рынок, снова и снова направляя внимание публики на убийство президента, чтобы она, публика, не слишком сильно задумывалась над дальнейшими событиями.

Впечатление такое, что сенсации не рождаются спонтанно, а появляются лишь тогда, когда необходимо отвлечь народ от чего-то иного, что вот-вот проявится, но вдруг затмевается очередным «ошеломляющим» открытием. Доказать свои ощущения я не могу. Я уже на пенсии. Поиски ведёт Вадим, за ним окончательное слово.

Но то, что заговор с целью убийства Кеннеди был целиком и полностью кем-то выдуман уже после покушения, считаю доказанным. Об этом только что написал. И на закуску приведу ещё несколько фактов, случайных, как легли в колоду. Все факты не упомянуть – слишком их много. Бери любой и копайся. Каждый из них представляет собой абсурдный набор смешных накладок.

* * *

Жила-была в Новом Орлеане проститутка по имени Роза Шерами. Наркоторговка мелкого пошиба. Наркоманка со стажем. Состояла на учёте в полиции. Постукивала на подружек, поэтому в полиции её особо не третируют.

1 февраля 1967 года – спустя четыре года после событий! – в журнале Capital Times города Мэдисон, штат Висконсин, появляется интервью Розы, в котором утверждается, будто за день до покушения два кубинца, снявшие её для группового секса, проболтались спьяну, что едут в Даллас, где собираются застрелить Кеннеди, причём засада будет на Дили-пласа, а командует делом Джек Руби!

Дело не в заявлении шлюхи и даже не в желании журнала подлить бензин в затухающий костёр сенсаций... Розу понять можно – дама стареет, травка дорожает. И редактора понять можно – ведь как тираж поднял публикацией!

Дело в том, что прокурор Гаррисон Розу серьёзно допрашивает! Десятки писателей общаются с интервью шлюхи к делу о попытках властей скрыть правду об убийстве президента. В фильме Оливера Стоуна Роза прославляется.

Никому и в голову не приходит спросить, каким образом исполнение ужасного заговора было поручено двум пропойцам, выдавшим незнакомой проститутке-наркоманке все тайны. А та благополучно забыла об угрозах и вспомнила через четыре года, когда никто её и на полчаса покусать больше не хотел.

В защиту прессы надо признать, что ни одна мало-мальски серьёзная газета байку печатать не захотела. Однако, после публикации мэдисонской газеты и интереса к Розе самого Гаррисона, страна встрепенулась в очередной раз.

Как обычно, после одного признания, незамедлительно косяком пошли следующие.

Некий доктор Вэйн Оуен вспомнил, как за три дня до покушения на приём пришел неизвестный, доверительно сообщивший, что собирается вместе с Джеком Руби убивать президента.

И это заявление тоже кочует с тех пор по всем печатным источникам. Хотя, как и в других случаях, ни у кого и желания не возникает спросить – этот неизвестный сообщник совершенным идиотом был? Пришёл на приём к незнакомому доктору и рассказал, как готовится убивать президента США, причём назвал имя главного убийцы.

Невозможно перечислить всех, кто после первых показаний Розы вдруг устроил забег под девизом: кому первому убийцы поведали о заговоре.

Невозможно перечислить монбланы и эвересты остальных несуразностей, мелькающих в книгах, статьях, обзорах, исследованиях, мемуарах.

* * *

А абсурдные выводы на основе безобидных фактов? Вот этот, например: сразу же после известия о покушении на Кеннеди вашингтонская телефонная сеть рухнула. Телефоны в городе не работали почти час.

Ну и что? Все знают, что ни одна сеть не выдержит, если вдруг все потребители начнут названивать друг другу. Не рассчитаны телефонные сети на такой наплыв. Все инструкции гражданской обороны предупреждают: в случаях бедствий, звоните по телефону только в самом крайнем случае, чтобы не перегрузить сеть.

В столице страны через минуту после выстрелов все службы, бюро и департаменты, разумеется, подняли тревогу. И сеть рухнула. Элементарно, Ватсон...

Но как красочно Вильям Манчестер, автор самой знаменитой эпопеи о покушении, описывает безуспешные попытки Теда, брата президента, найти хоть один работающий телефон в своём офисе. И писатель ненароком подкидывает вопросик на засыпку:

– А не заговорщики ли выключили телефоны в своих грязных и низменных целях? Неужели вы, читатели, сомневаетесь, что раз сразу же после выстрелов телефоны в Вашингтоне почти час не работали, значит, имел место заговор!

Сообразить, что сеть заработала, как только люди наговорились и трубку положили, Манчестер не желает. Он не знает, что такое перегрузка сети? Никогда о таком не слышал?

И вместе с ним ничего не желают знать сотни остальных писателей, до сего дня сеющих в умы обывателей факт о странных перерывах связи в Вашингтоне.

* * *

А наваливание глупости на глупость? Уму непостижимо, как можно тиражировать груды галиматый, утверждая на основе этих, так называемых аргументов, что заговор с целью убийства президента существовал, и власти его покрывают!

При поступлении Кеннеди в Паркландскую больницу, дежурные врачи констатировали входное пулевое ранение в горло спереди. Однако три военных врача, проводивших осмотр тела позже, скрыли этот факт, доказывающий, что в президента попали две пули – это впервые у «честного» прокурора Гаррисона упоминается. А потом у Стоуна опять же, да и у других...

Десятки миллионов читателей, уверовавших в заговор с целью убийства... Хотя кто-то из них задумывался над тем, сколько же на самом деле человек должно было участвовать в

заговоре, чтобы три военврача плюс главврач, плюс его заместитель, плюс заведующий хирургическим отделением – консилиум в шесть врачей – скрыли президентскую рану?

Какие дежурные врачи в Паркландской больнице видели рану в горло? Их фамилии, должности?

В регистрационном журнале Паркланда записей о характере ранения Кеннеди вообще нет, кроме одной-единственной, мол, доставлен пациент с пулевым ранением. Дальше больничные врачи доступа к телу президента уже не имели. Откуда же сведения про дежурных врачей, которые констатировали входное отверстие?

Кто, где, когда констатировал ранение в горло? Нет объяснений, никаких. Только вздор про «было второе ранение! Спереди! Но скрыли подлые врачи!».

Причём есть же обратные доказательства. Подполковник Финк – патологоанатом, утверждал на суде, устроенном Гаррисоном, что единственная пуля вошла сзади, не в горло. Но Финку писатели не верят, его показания не цитируют и не тиражируют. Не хотят!

И опять же властям, чтобы оправдаться и не выглядеть нашкодившими мальчишками, стоит только сунуть под нос скептикам показания Финка. Не суют!

3.6. Записки Глеба. Рождение легенды

В журнале LIFE от 21 февраля 1964 года в статье «Эволюция убийцы» («Evolution of an assassin») впервые появляется знаменитое утверждение, будто бы анализ смыва с ладоней Ли Харви Освальда, сделанный сразу же после покушения, не показал следов пороха, которые должны оставаться после выстрелов не менее суток. Следовательно, он не стрелял в Кеннеди! И тут же, несколькими строками ниже в той же статье рассказывается, что именно Освальд, и никто иной, при бегстве с места покушения застрелил полицейского Типпита!

В том, что Освальд стрелял в Типпита, автор статьи не сомневается! Но даже не замечает нонсенс: как же мог Освальд убить копа, если на руках не осталось следов пороха?

Следственная комиссия просто промолчала, не стала комментировать. Остальные то ли не заметили, то ли не захотели замечать очевидного ляпа. Одного из многих.

Но статья стала эталоном всех дальнейших исследований по теме.

Между прочим, в этой же статье последний раз Типпит упомянут как возможный заговорщик. В последний раз, потому что в уже день публикации вдова Типпита, при поддержке всех полицейских Америки, строго заявила, что подаст в суд на любого, кто осмелится ещё раз публично пачкать имя павшего на боевом посту мужа. Пляска на костях погибшего полицейского тут же прекратилась. Навсегда. Достаточно было судом пригрозить.

Но никто, ни разу, нигде не пригрозил подать в суд на сплетников-газетчиков, точно так же разносящих клевету на остальных участников дела – тех, что были гораздо мощнее Типпита (хотя это ещё вопрос, кто сильнее все рядовые полицейские страны, вставшие на защиту погибшего собрата, или миллиардер, считающий себя столпом общества).

Почему же никто из ЦРУ, госдепартамента, администрации США, ФБР, Конгресса, генпрокуратуры, сенатского комитета, крупных компаний, министерства обороны, членов знаменитых семейных кланов США, мафии, наконец, почему никто не счёл нужным и возможным прекратить вакханалию обвинений?

* * *

LIFE задал тон, нагромождая ложь и развивая полубезумные теории. Первая статья о Ли Харви Освальде нашпигована выдумками и подтасовками, как рождественская индейка.

Разбиваются все эти байки так же легко, как абсурдные измышления про следы пороха. Было бы желание разбить. Но желания такого ни у кого не возникло, и с тех пор статья считается чуть ли ни официальной биографией Освальда.

И к вопросу, почему же правительство и спецслужбы пальцем о палец не ударили, чтобы себя обелить и оправдаться в глазах общественности, прибавляется ещё один, логично вытекающий из предыдущего: зачем создавали слухи?

Ладно, допустим (с большими натяжками), что власти просто-напросто не сочли «барским делом» разбираться с клеветниками и выдумщиками. Соглашусь, так и быть.

Но с какой целью действовали авторы выдумок? Речь не о досужих репортёрах, а о тех, кто имел доступ к закрытым документам и поставлял репортёрам информацию.

* * *

Если бы статьёй дело ограничивалось... Но ведь все без исключения, все аргументы в пользу заговора не стоят выеденного яйца, но не опровергаются.

Таинственно исчезнувшие бродяги, которые никуда не исчезали... Махинации с секундами... Принимаемые на веру показания проституток и прохиндеев... Очаровательные глупости вокруг обрывов телефонных линий и ухода из жизни никому не нужных свидетелей... Вскрытие старых могил и объявление новых расследований...

Кто-то умело создавал картину...

Сегодня мир уверен, что либо не Освальд стрелял, либо не один стрелял... Либо ЦРУ замешано, либо мафия удар направляла... Либо Кастро постарался, либо Хрущёв злодейство замышлял... Много версий... И все они в одном сходятся: заговор с целью убить президента существовал!

Но ведь достаточно было один раз грозно заявить, чтобы не врал и не придумывали, потому как за клевету наказывать полагается. И успокоились бы все газеты и все писатели. Кому охота платить из своего кармана штрафы за клеветнические обвинения? А доказать клевету проще простого по буквально каждому обвинению.

Вместо этого я видел всё больше доказательств проведения тщательно и хорошо продуманной операции – создания легенды о заговоре, которого не было.

3.7. Записки Глеба. Цель легенды

Есть в разведке правило: если противник не препятствует утечке информации, следовательно, утечка ему выгодна. В этом случае мы обязаны разобраться, что же противник от нас прячет? Я вспомнил это правило и спокойно посмотрел на факты.

Никаких невыясненных обстоятельств в покушении на Кеннеди нет. Ли Харви Освальд действовал в одиночку. Заговора не было. Это первый непреложный факт.

Несмотря на лёгкость, с которой можно опровергнуть обвинения в заговоре, правительство и спецслужбы своим поведением буквально вынуждают публику поверить в виновность власти. И это второй несомненный факт.

В деле Кеннеди действительно есть много необъяснимых странностей, но все они касаются не покушения, а событий, имевших место после него. От убийства Освальда до убийства Роберта Кеннеди, от нового замужества Жаклин до гибели детей Онассиса, от неафишируемых решений Конгресса до удивительных мемуаров. Это третий факт.

Вывод очевиден: раз власти США тщательно и искусно подогревают версию несуществующего заговора, следовательно, они отвлекают внимание от другой темы.

Если до покушения заговора не существовало, то он возник после покушения! Какой именно заговор возник, с какой целью и против кого направлен?

* * *

Я понял, что ответы на эти вопросы для меня важнее всех остальных дел, вместе взятых. Но понял также, что ответов глухому и почти немощному пенсионеру, уже не получить. Поэтому и привлёк Вадима – человека, которому доверяю больше всех.

По мере того как мы углублялись в тему, по мере того как всплывали всё новые факты, по мере того как мы погружались в водоворот откровений, сравнивая мемуары, перекидывая друг другу очередные находки и противоречивые публикации, копаясь в забытых книжонках, бережно анализируя донесения и доклады... По мере того как мы работали, становилось всё страшнее.

Не за судьбы мира было страшно – мир уже столько раз переворачивали, что очередной переворот ему только на пользу. За Вадима, который за работой успел сдружиться с моей дочерью, и дело быстро идет к свадьбе. За Маришку, первого мужа которой я не уберёг, а второго гоню на гибель. За Наташу, которая даже не представляет себе, насколько она близка к тому, чтобы превратиться в одинокую вдову, причём в самые тяжёлые времена, переживаемые родной страной. Бог с ней, со страной, но если я сегодня исчезну, на крохи от моей пенсии ей не прожить.

Я – человек прагматичный. Не эмоциональный, не импульсивный, не романтик. Идеалы свободы, равенства, братства, в какой бы упаковке они ни подавались, меня уже не волнуют. Меня заботит моя семья и только она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.